СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 10.

ОТЧЕТЪ
О
ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ

Проф. КОТЛЯРЕВСКАГО

ВЪ 1895 ГОДУ.

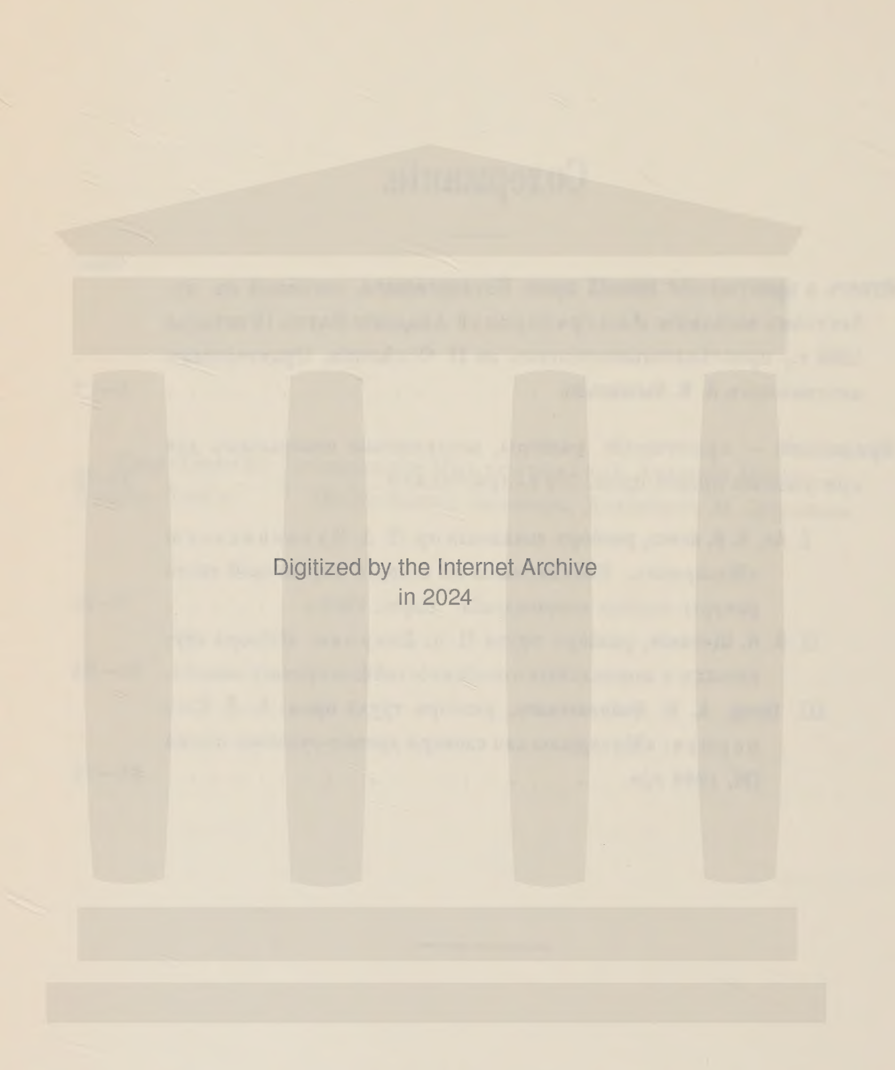

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1896.

2 3

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Декабрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Содержаніе.

ОТЧЕТЪ
о
ПРИСУЖДЕНІИ ПРЕМІЙ ПРОФ. КОТЛЯРЕВСКАГО,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19 октября 1895 г., предсѣдательствующимъ во II Отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ **А. Ѳ. Бычковымъ.**

На соисканіе премій покойнаго профессора Императорскаго университета св. Владимира А. А. Котляревскаго, назначенныхъ за изслѣдованія по славянскимъ древностямъ, по исторіи славянскихъ литературъ и по славянскимъ нарѣчіямъ въ грамматическомъ или лексическомъ отношеніи, было представлено на настоящій конкурсъ три сочиненія, изъ коихъ одно удостоено полной, а остальныя два — половинной преміи каждое.

Разборъ сочиненія профессора Императорскаго Варшавскаго университета П. А. Кулаковскаго подъ заглавіемъ: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія» принялъ на себя нашъ многоуважаемый сочленъ И. В. Ягичъ.

Авторъ разсматриваемаго труда извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ изслѣдованіемъ о Вукѣ Караджичѣ и о Лукіанѣ Мушицкомъ, двухъ видныхъ представителяхъ сербской литера-

туры въ началѣ и первой половинѣ XIX столѣтія. Его новый трудъ касается также исторіи культурной жизни южныхъ славянъ, только въ немъ г. Кулаковскій пошелъ далѣе на западъ, и его вниманіе остановилось на самомъ блестящемъ послѣ Вука Караджича періодѣ культурныхъ стремленій южнаго славянства въ теченіе XIX столѣтія, извѣстномъ въ исторіи славянскихъ литературъ подъ именемъ «иллиризма». Дѣйствительно, послѣ Вука Караджича, направившаго весь ходъ сербской литературы на новый путь націонализма, какъ въ языкѣ, такъ особенно въ содержаніи поэзіи, не было и нѣтъ въ культурной исторіи южныхъ славянъ XIX столѣтія другого болѣе выдающагося явленія, какъ иллиризмъ, который сильно отпечатлѣлся на всемъ организмѣ народнаго бытія и оставилъ по себѣ очень глубокіе слѣды. Опредѣливъ, что́ слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ «иллиризмъ», и указавъ, что это многозначительное движеніе имѣетъ свою культурно-политическую, свою литературно-поэтическую, даже свою грамматико-ороографическую сторону, рецензентъ не могъ согласиться съ г. Кулаковскимъ въ томъ, что будто иллиризмъ представляетъ періодъ возрожденія въ литературѣ только хорватовъ XIX столѣтія. Движеніе это увлекло въ свой водоворотъ всѣ южно-славянскія племена, за исключеніемъ болгаръ. Идея иллиризма — духовное единеніе южныхъ славянъ; и если она не осуществилась въ полномъ объемѣ первоначальныхъ замысловъ, то по крайней мѣрѣ проложила путь къ объединенію сербовъ и хорватовъ. Если иллиризмъ въ послѣднемъ своемъ проявленіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникъ спеціально на почвѣ хорватской, то нельзя отрицать того, что дѣйствіе его отразилось далеко за предѣлами Хорватіи, на сербахъ и словенцахъ, языкъ и литература которыхъ подъ вліяніемъ того же иллиризма приняли въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій совсѣмъ иной видъ. Впрочемъ, въ трудѣ г. Кулаковскаго можно найти много дѣльныхъ замѣчаній и относительно вліянія иллиризма на сербовъ и словенцовъ, но вообще эта сторона вопроса въ его изслѣдованіи не вполнѣ исчерпана.

Иллиризмъ въ сочиненіи г. Кулаковскаго разработанъ преимущественно съ точки зрѣнія загребской по даннымъ и матеріаламъ, доставленнымъ ему хорватской литературой и источниками, хранящимися въ библіотекахъ Загреба. Онъ вышелъ бы всестороннѣе и полнѣе, если бы авторъ нашелъ возможность освѣтить иллиризмъ съ точки зрѣнія матеріаловъ, хранящихся въ Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, въ Будапештѣ и въ Люблянѣ; но относительно загребскаго иллиризма авторъ сдѣлалъ очень внимательный и добросовѣстный подборъ всѣхъ относящихся къ нему подробностей и мелочей, и его даже можно упрекнуть въ нѣкоторомъ ихъ излишествѣ. Нельзя не пожалѣть, что г. Кулаковскій рѣдко прибѣгаетъ къ критической провѣркѣ данныхъ, извлеченныхъ изъ современной литературы иллиризма, состоящей изъ газетныхъ статей, летучихъ листковъ, брошюръ и памфлетовъ. «Существенный недостатокъ сочиненія — говоритъ г. Ягичъ — составляетъ изобиліе неважныхъ подробностей, мѣшающее слѣдить за главнымъ предметомъ этого изслѣдованія. Не всякій читатель будетъ въ состояніи оцѣнить значеніе иллиризма, понять его стремленія и уловить результаты по свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ много, но и черезчуръ многосодержательнымъ трудомъ». Въ этихъ словахъ рецензента похвала и упрекъ стоятъ рядомъ. Нельзя не пожалѣть, что изложенію политической борьбы, завязавшейся вскорѣ послѣ кончины австрійскаго императора Іосифа, съ тѣхъ поръ, какъ мадьяры стали вводить во всѣ отрасли государственнаго организма Венгріи свой языкъ вмѣсто латинскаго и мало-по-малу требовать того же самаго также относительно Хорватіи и Славоніи, авторъ не предпослалъ краткаго введенія, въ которомъ было бы исторически изложено давнишнее знакомство южныхъ славянъ съ названіями «иллирскій языкъ» и «иллирская нація», а это было гораздо ранѣе борьбы хорватовъ за права своего языка.

Указавъ еще на нѣкоторые недочеты въ трудѣ г. Кулаковскаго, академикъ Ягичъ заключилъ свой разборъ такъ: «за авторомъ «Иллиризма» остается неотъемлемая заслуга, что онъ пер-

вый подарилъ русской и всѣмъ славянскимъ литературамъ исторію столь знаменитаго иллиризма, въ свое время надѣлавшаго такъ много шума. Онъ создалъ свой почтенный трудъ, требовавшій многихъ усилій, очень старательно; отнесся къ своей задачѣ съ любовію, вниманіемъ и съ научнымъ безпристрастіемъ, добиваясь вездѣ раскрытія истины». Поэтому многоуважаемый рецензентъ считаетъ сочиненіе г. Кулаковскаго достойнымъ увѣнчанія преміею профессора Котляревскаго. Отдѣленіе, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ И. В. Ягича, близко знакомаго съ предметомъ, изложеннымъ въ представленномъ на конкурсъ сочиненіи, присудило г. Кулаковскому полную премію въ тысячу рублей.

Сочиненіе приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета, доктора славянской филологіи, П. А. Лаврова: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка» было поручено разсмотрѣть помощнику хранителя Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея, В. Н. Щепкину. Въ обширной и обстоятельной рецензіи, въ началѣ которой указано, что̀ было сдѣлано по изученію болгарскаго языка до появленія труда Лаврова, г. Щепкинъ пришелъ къ заключенію, что разсмотрѣнное имъ сочиненіе является цѣннымъ вкладомъ въ историческое изученіе болгарскаго языка. Отличное знакомство автора съ современными болгарскими нарѣчіями дало ему возможность связать звуки и формы современнаго живого языка съ письменными выраженіями ихъ въ болгарскихъ памятникахъ XII—XVIII вѣковъ. Тонкая наблюдательность и неутомимое прилежаніе способствовали г. Лаврову обогатить исторію болгарскаго языка обильнымъ матеріаломъ, извлеченнымъ изъ многочисленныхъ рукописей. Матеріаломъ этимъ не преминутъ воспользоваться будущіе изслѣдователи судебъ болгарскаго языка, но онъ уже нашелъ оцѣнку и освѣщеніе въ разсматриваемомъ трудѣ г. Лаврова. Отмѣтивъ однако въ сочиненіи нѣкоторые спорные вопросы и недостаточное знакомство автора съ лингви-

стическимъ методомъ, единственно плодотворнымъ при объясненіи явленій языка, рецензентъ въ заключеніе говоритъ: «книга Лаврова при своемъ появленіи обратила на себя вниманіе какъ въ русской, такъ и въ иностранной ученой литературѣ. Трудъ, исполненный г. Лавровымъ, далъ новую пищу историческому изученію болгарскаго языка и установилъ новыя точки соприкосновенія между болгарскими нарѣчіями, современными и старыми, и языкомъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ, и по своему характеру и по своимъ результатамъ отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ правилъ о соисканіи премій профессора Котляревскаго». Отдѣленіе, раздѣляя это заключеніе рецензента и признавая научное значеніе труда г. Лаврова, хотя ему слѣдовало бы строже сообразоваться какъ съ данными сравнительной грамматики славянскихъ языковъ, такъ и съ лингвистическимъ методомъ, требующимъ прежде всего критическаго отношенія къ явленіямъ языка, постановило увѣнчать изслѣдованіе г. Лаврова половинною преміею.

О трудѣ профессора Императорскаго Московскаго университета А. Л. Дювернуа, подъ заглавіемъ: «Матеріалы для словаря древне-русскаго языка», по приглашенію Отдѣленія далъ отзывъ его членъ-корреспондентъ, профессоръ Императорскаго Санктпетербургскаго университета А. И. Соболевскій.

«До сихъ поръ мы еще не имѣемъ — говоритъ г. Соболевскій — ничего, что можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ назвать Словаремъ древне-русскаго языка. Въ виду этого трудъ покойнаго Дювернуа, изданный его вдовою, несмотря на свой скромный объемъ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія». Къ сожалѣнію, этотъ трудъ не былъ обработанъ самимъ Дювернуа; послѣ него остался лишь сырой матеріалъ, то-есть карточки, на которыя были нанесены имъ слова, казавшіяся ему по чему-либо замѣчательными, иногда безъ всякихъ объясненій. Наибольшее количество этихъ словъ заимствовано изъ документовъ Москов-

ской Руси XV — XVII столѣтій; затѣмъ вошли сюда слова изъ лѣтописей, житій святыхъ и разныхъ статей, находящихся въ рукописныхъ сборникахъ.

Извлеченныя данныя постоянно сопровождаются въ «Матеріалахъ» цитатами изъ текстовъ, съ удержаніемъ въ полной неприкосновенности ихъ правописанія.

Главный недостатокъ «Матеріаловъ» заключается въ томъ, что словарныя данныя не вполнѣ извлечены изъ разсмотрѣнныхъ источниковъ. Впрочемъ, это объясняется тѣмъ, что г. Дювернуа, прочитывая какой-либо документъ или книгу, вносилъ на карточки преимущественно слова болѣе рѣдкія или написанныя необычною орѳографіею, а другія менѣе рѣдкія и обычнымъ образомъ написанныя оставлялъ безъ вниманія.

Другой недостатокъ «Матеріаловъ» составляетъ излишнее довѣріе къ печатнымъ источникамъ, въ которыхъ иногда попадаются слова, неправильно прочтенныя редакторами и въ такомъ видѣ нашедшія мѣсто въ «Матеріалахъ». Быть можетъ, эти недостатки были бы устранены г. Дювернуа, если бы онъ самъ редактировалъ «Матеріалы», изъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, были бы устранены и неправильные, а иногда даже лишенные смысла переводы значенія словъ на латинскій языкъ.

Кромѣ этого, лицо, редактировавшее словарь, имѣя подъ руками массу сырого матеріала, не избѣгло погрѣшностей. Однѣ изъ нихъ касаются внѣшней стороны словъ, какъ напримѣръ: *ищей* вмѣсто *ищея*, *яма* вмѣсто *ямъ* (почтовая станція); другія — относительно значенія словъ. Рецензентъ приводитъ болѣе крупныя ошибки, не упоминая о мелкихъ.

Разборъ «Матеріаловъ» А. И. Соболевскій заключаетъ такъ: «Трудъ составленія словаря — трудъ столь тяжелый и малоблагодарный, что необходимо самое снисходительное отношеніе къ его недостаткамъ и погрѣшностямъ». Поэтому г. рецензентъ счелъ себя въ правѣ высказаться за присужденіе издательницѣ «Матеріаловъ» полной преміи профессора Котляревскаго.

Отдѣленіе въ виду, съ одной стороны, незначительнаго объема труда и тѣхъ недостатковъ, которые въ немъ указаны г. Соболевскимъ, а съ другой, принимая во вниманіе пользу, которую этотъ трудъ можетъ принести, большинствомъ голосовъ присудило г-жѣ Дювернуа за изданные ею «Матеріалы» покойнаго ея мужа, надъ приведеніемъ которыхъ въ порядокъ она не мало потрудилась, половинную премію профессора Котляревскаго.

Основаніемъ для настоящаго присужденія премій проф. Котляревскаго послужили нижеслѣдующіе критическіе разборы:

1.

Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія. Варшава, 1894.

Разборъ орд. ак. **И. В. Ягича.**

Платонъ Андреевичъ Кулаковскій, авторъ обширной монографіи объ «Иллиризмѣ», извѣстенъ въ русской литературѣ своимъ изслѣдованіемъ о Вукѣ Караджичѣ и о Лукіанѣ Мушицкомъ, двухъ видныхъ представителяхъ сербской литературы въ началѣ и первой половинѣ XIX столѣтія. И этимъ новымъ трудомъ, превышающимъ уже внѣшнимъ объемомъ все до сихъ поръ имъ написанное, онъ не вышелъ изъ намѣченныхъ себѣ уже давно предѣловъ, изъ исторіи культурной жизни южныхъ славянъ; только теперь взоры его обратились дальше на западъ, его вниманіе остановилось на самомъ блестящемъ послѣ Вука Караджича періодѣ культурныхъ стремленій южнаго славянства въ теченіе XIX столѣтія, извѣстномъ въ исторіи славянскихъ литературъ подъ именемъ «Иллиризма». Дѣйствительно послѣ Вука Караджича, направившаго весь ходъ сербской литературы на новый путь національзма, какъ въ языкѣ, такъ и въ содержаніи, въ особенности въ поэзіи, не было и нѣтъ въ культурной исторіи южныхъ славянъ XIX столѣтія другого

болѣе выдающагося явленія, чѣмъ Иллиризмъ; ни одно событіе не отпечатлѣлось такъ сильно на всемъ организмѣ народнаго бытія, не оставило по себѣ столь глубокихъ слѣдовъ, какъ Иллиризмъ.

Что такое Иллиризмъ? Если судить по заглавію книги г. Кулаковскаго, это страничка изъ «исторіи хорватской литературы возрожденія», и только. По моему мнѣнію такого рода опредѣленіе слишкомъ узко, оно не исчерпываетъ всѣхъ сторонъ многознаменательнаго движенія, которое принято въ исторіи литературы южныхъ славянъ называть Иллиризмомъ. У этого движенія есть своя культурно-политическая, своя литературно-поэтическая, есть даже своя грамматико-ороографическая сторона. Если уже допустить, что можно уразумѣть суть Иллиризма, не вдаваясь въ его главную и выдающуюся политическую сторону — признаться, въ такомъ случаѣ очеркъ Иллиризма выйдетъ очень не полнымъ — все же трудно согласиться съ авторомъ, что Иллиризмъ представляетъ только періодъ возрожденія въ литературѣ хорватовъ XIX столѣтія. Движеніе это пошло гораздо дальше, оно вовлекло въ свой круговоротъ всѣ южно-славянскія племена, если исключить болгаръ, стенавшихъ тогда еще подъ игомъ турецкимъ. Самъ авторъ вѣрнѣе обозначаетъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія идею Иллиризма, говоря, что «иллирская теорія объединяла всѣхъ юго-славянъ какъ въ прошломъ, такъ и въ предположеніяхъ будущаго». Въ самомъ дѣлѣ, хотя Иллиризмъ въ послѣднемъ своемъ проявленіи — это загребскій Иллиризмъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, было же и раньше нѣсколько фазисовъ Иллиризма — возникъ на почвѣ спеціально хорватской, въ тогдашнемъ смыслѣ провинціальной или кайкавской Хорватіи, нельзя однакожъ отрицать, что дѣйствіе его отразилось, далеко за предѣлами Хорватіи, не только на той части южныхъ славянъ, которая нынѣ называетъ себя хорватами, но также на сосѣднихъ племенахъ, на сербахъ и словенцахъ. Иллиризмъ, если искать идею его въ духовномъ единеніи южныхъ славянъ, удался если не въ пол-

номъ объемѣ первоначальныхъ замысловъ, такъ по крайней мѣрѣ въ большей части. Онъ проложилъ путь къ объединенію по крайней мѣрѣ двухъ ближайшихъ племенъ, сербовъ и хорватовъ, нужды нѣтъ, что названіе пропало, нужды нѣтъ, что именно въ наши дни ведется ожесточенный споръ между сербами и хорватами изъ-за имени и разныхъ другихъ пустяковъ. Названіе «иллирскій языкъ» вышло изъ употребленія, оно оборвалось сначала на нежеланіи сербовъ усвоить это имя, потомъ же отбросили его и хорваты; но идея живетъ, хотя пока безъ названія—что на дѣлѣ не совсѣмъ удобно—и двигаетъ впередъ сербовъ и хорватовъ, она преобразовала даже и словенцевъ, языкъ и литература которыхъ подъ вліяніемъ того же Иллиризма приняли въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій совсѣмъ иной видъ, чѣмъ можно было предвидѣть или ожидать по произведеніямъ ихъ литературы XVIII столѣтія. Дальнѣйшіе успѣхи словенцевъ въ этомъ направленіи, несмотря на остановку въ настоящую минуту, могутъ считаться вопросомъ времени.

Возражая противъ слишкомъ узкаго опредѣленія Иллиризма въ заглавіи труда г. Кулаковскаго, я не хочу этимъ сказать, что онъ не обращалъ никакого вниманія на отраженіе Иллиризма у сербовъ и словенцевъ. Въ сочиненіи его найдется много дѣльныхъ замѣчаній и по этой части, но эти стороны вопроса въ его изслѣдованіи не исчерпаны. Иллиризмъ въ сочиненіи г-на Кулаковскаго разработанъ все-таки преимущественно, чтобы не сказать исключительно, съ точки зрѣнія загребской, по даннымъ и матеріаламъ, доставленнымъ ему литературой хорватской и источниками, хранящимися въ библіотекахъ Загреба. Я не ошибусь, кажется, если скажу, что почтенный трудъ его вышелъ бы гораздо полнѣе, всестороннѣе и нагляднѣе, еслибъ онъ имѣлъ возможность хотя бы часть того усердія, которое онъ примѣнилъ къ изученію предмета въ Загребѣ, посвятить также къ освѣщенію Иллиризма съ точки зрѣнія матеріаловъ, хранящихся въ Новомъ Садѣ, въ Карловцахъ, въ Будапештѣ и въ Люблянѣ.

Но чего недостаетъ труду г. Кулаковскаго по отношенію къ сербамъ и словенцамъ — послѣдніе вошли въ сочиненіе главнымъ образомъ спорными вопросами орѳографическими, — то вознаграждается очень внимательнымъ и добросовѣстнымъ подборомъ всѣхъ подробностей и мелочей, относящихся къ Иллиризму загребскому. Усердіе автора въ этомъ отношеніи выше всякой похвалы, можно бы даже упрекнуть его въ нѣкоторомъ излишествѣ. Онъ загромождаетъ иногда ходъ разсказа пустячными мелочами въ ущербъ важности главной задачи. Ему была знакома и внимательно имъ же разобрана вся современная литература Иллиризма, состоящая изъ газетныхъ статей, летучихъ листковъ, брошюръ и памфлетовъ; онъ изучилъ всѣ позднѣйшія статьи, біографіи, записки и замѣтки хорватской литературы по данному вопросу. Но и только. Очень рѣдко или почти нигдѣ не замѣтно критической провѣрки данныхъ, доставленныхъ ему этими не всегда вполнѣ надежными источниками. Еще же болѣе должно жалѣть, что автору не были, повидимому, доступны какіе-либо до сихъ поръ неизданные мемуары, относящіеся къ тому времени. Жаль, что это не оговорено въ предисловіи.

Пестрое разнообразіе источниковъ, по большей части очень мелкихъ, отразилось на характерѣ сочиненія. Оно носитъ всѣ признаки очень кропотливой мозаической работы, но не рисуетъ одной крупными чертами очерченной картины. Правда, самъ предметъ страдаетъ отсутствіемъ единства. Иллиризмъ отличался коллективизмомъ. Главный герой его, Гай, дѣйствовалъ по большей части изъ-за кулисъ, дѣйствовалъ силою живого слова, прибѣгая очень рѣдко къ перу и письму. Разсказываютъ, что онъ самъ оправдывалъ свое отвращеніе отъ письменныхъ сообщеній ссылкою на пророковъ и реформаторовъ, дѣйствовавшихъ всегда только живой рѣчью! При такомъ характерѣ главнаго лица изложеніе предмета легко становится расплывчивымъ. Дѣйствительно и противъ плана изложенія можно бы очень много возразить. Одинъ существенный недостатокъ сочиненія — обиліе неважныхъ подробностей, мѣшающее глав-

ному предмету. Я опасаюсь, что не всякій читатель будетъ въ состояніи оцѣнить значеніе Иллиризма, понять его стремленія и уловить результаты по свѣдѣніямъ, доставляемымъ ему этимъ много, но и черезъ-чуръ многосодержательнымъ трудомъ. Какъ видите, похвала и упрекъ стоятъ рядомъ.

Авторъ начинаетъ свой разсказъ съ изложенія политической борьбы, завязавшейся между Хорватіею и Венгріею вскорѣ послѣ кончины императора Іосифа, съ тѣхъ поръ какъ мадьяры стали вводить во всѣ отрасли государственнаго организма Венгріи свой мадьярскій языкъ вмѣсто латинскаго и мало-по-малу требовать того же самаго также относительно Хорватіи и Славоніи. Очеркъ этотъ написанъ очень живо, по полемическимъ отзывамъ того времени, съ нѣкоторымъ вполнѣ понятнымъ пристрастіемъ въ пользу славянъ, хотя, если стать на критическую точку зрѣнія, нельзя, кажется, исключительно обвинять мадьяръ: ихъ самоуправство было отчасти вызываемо слабостью и неумѣніемъ хорватовъ отстаивать дружно свои права. Но мнѣ кажется, этому очерку должно было предшествовать коротенькое введеніе, въ которомъ было бы исторически изложено давнишнее знакомство южныхъ славянъ съ названіемъ «иллирскій языкъ» и «иллирская нація»; оно гораздо старше борьбы хорватовъ за права своего языка, а безъ такого предварительнаго поясненія становится непонятнымъ, какъ могъ напр. уже въ 1791 году хорватскій сеймъ поручить своимъ делегатамъ требовать введенія «иллирскаго» языка рядомъ съ мадьярскимъ во всѣ венгерскія и хорватскія гимназіи, академіи и въ пештскій университетъ, или же какъ могъ епископъ загребскій Максиміліанъ Верховацъ въ своемъ объявленіи духовенству въ 1813 году говорить о прекрасныхъ качествахъ «иллирскаго» языка. Видно «Иллиризмъ» уже давно существовалъ, только это не былъ еще литературно-политическій Иллиризмъ 30-ыхъ и 40-ыхъ годовъ XIX столѣтія, а наслѣдіе и преданіе предыдущихъ столѣтій, привыкшее называть языкъ жителей древняго Иллирика, хотя они теперь уже были славяне, стариннымъ иллирскимъ

именемъ. Отъ этого стараго, теоретическаго Иллиризма перешло названіе потомъ на созданное Наполеономъ «королевство иллирское». Новѣйшаго же загребскаго Иллиризма главная идея заключалась въ сознательномъ желаніи объединенія всѣхъ южныхъ славянъ (преимущественно хорватовъ, сербовъ и словенцѣвъ) въ одномъ литературномъ языкѣ. Идея эта возникла среди тѣхъ же кайкавскихъ хорватовъ (жителей провинціальной Хорватіи съ ихъ центромъ въ Загребѣ), которые уже давно вели борьбу съ мадьярами, отражая по возможности ихъ притязанія, но она родилась сравнительно поздно, подъ вліяніемъ общеславянскаго движенія и возрожденія. Въ этомъ заключалась ея сила, но этимъ она накликала на себя подозрѣніе не только со стороны мадьяръ, но и у себя дома, со стороны такъ называемыхъ мадьяроновъ, обрисовка которыхъ у автора представлена не совсѣмъ вѣрно. Мадьяроны не были враги народнаго языка (съ единичными исключеніями), они только не хотѣли ничего слышать о замѣнѣ своего родного кайкавскаго нарѣчія штокавщиною, о замѣнѣ названія «хорватъ» именемъ «иллиръ» и о братствѣ хорватовъ съ прочими славянами, опасаясь, что такимъ путемъ Хорватія могла бы потерять свои старинныя конституціонныя права. Эти противоположныя теченія, это смѣшеніе вопросовъ чисто литературныхъ, если хотите даже чисто грамматическихъ, съ политикою, не представлено, мнѣ кажется, довольно ясно въ сочиненіи г-на Кулаковскаго.

Несправедливо также, какъ я думаю, авторъ уменьшаетъ (въ главѣ второй) значеніе литературной дѣятельности кайкавскихъ хорватовъ наканунѣ возникновенія Иллиризма. Онъ говоритъ, что ихъ литература находилась въ крайнемъ упадкѣ (стр. 50). Это не вѣрно сказано. Напротивъ кайкавская литература никогда и не была въ лучшемъ состояніи, чѣмъ тогда. Объ упадкѣ можно говорить только относительно Далмаціи и Дубровника, но никакъ нельзя распространять этого упрека на литературную дѣятельность кайкавскихъ хорватовъ. Что авторъ говоритъ будто бы въ доказательство упадка, что «блестящій пе-

ріодъ дубровницкой словесности былъ почти совершенно забытъ въ Хорватіи, самыя имена писателей той эпохи не были извѣстны» (стр. 56—7), на это можно ему отвѣтить, что какъ разъ наоборотъ, въ Хорватіи до тѣхъ поръ ничего и не знали о литературѣ дубровницкой и что именно теперь являются первые проблески сознанія единства между находившимися въ разбродѣ членами. Или развѣ первые иллиры не были преимущественно кайкавцы? Развѣ Михановичъ, Гай, Вукотиновичъ, Раковецъ, Штосъ не писали сначала по-кайкавски? Но вотъ это и дѣлаетъ честь этимъ благороднымъ идеалистамъ тридцатыхъ годовъ, въ этомъ и заключается ихъ великая заслуга, что они заблаговременно опомнились, что они увидѣли ограниченность (численную) и уединенность своего нарѣчія, что они сознательно и съ большимъ самоотверженіемъ отказались отъ своего хотя дорогого имъ кайкавскаго нарѣчія и примкнули къ штокавщинѣ, которою сначала очень плохо владѣли, все же это сдѣлали они вслѣдствіе убѣжденія въ необходимости расширить почву своей литературной дѣятельности, улучшить условія литературы и увеличить свою силу самозащиты и сопротивленія противъ натисковъ мадьяризма.

Съ этого многознаменательнаго момента начинается новая эпоха, начинается новый литературно-политическій, загребскій Иллиризмъ, разсказать судьбу котораго предпринялъ авторъ настоящаго сочиненія. Если въ этомъ заключается суть Иллиризма, въ чемъ повидимому авторъ согласенъ со мною, въ такомъ случаѣ слѣдовало на этомъ моментѣ остановиться съ возможною подробностью. Вопросу о переходѣ отъ кайкавскаго нарѣчія къ штокавскому надо было посвятить особую главу, напр. рядомъ съ изложеніемъ мыслей, иногда довольно туманныхъ, о «великой» Иллиріи. Если авторъ говоритъ на одномъ мѣстѣ: «патріотамъ-хорватамъ предстояло или создать письменность на кайкавскомъ нарѣчіи провинціальной Хорватіи или примкнуть къ имѣющему уже значительную литературу штокавскому нарѣчію», — то можно ему возразить, что такой дилеммы на дѣлѣ не было и не могло

быть; идея Иллиризма не допускала ея. Вѣдь литература на кайкавскомъ нарѣчіи существовала уже давно, ея не приходилось создавать, она была даже гораздо богаче, по крайней мѣрѣ числомъ произведеній, литературы словенской; но именно сознаніе невозможности этимъ ограниченнымъ средствомъ, не воплощавшимъ въ себѣ всѣхъ силъ народа, успѣшно бороться противъ болѣе сильнаго сосѣда и желаніе создать новую литературу на болѣе широкой почвѣ и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, внушило хорватамъ-кайкавцамъ единственно вѣрную и спасительную мысль дать предпочтеніе штокавщинѣ.

Для изслѣдователя тутъ возникаетъ рядъ любопытныхъ и важныхъ вопросовъ: легко ли было сдѣлать этотъ поворотъ, не нужно ли было опасаться оппозиціи, что указывало въ предшествовавшей литературной жизни на этотъ путь, какіе существовали уже готовые примѣры, кто принималъ живѣйшее участіе въ исполненіи задуманной мысли, чья заслуга почина въ этомъ дѣлѣ, и т. д. Вотъ рядъ вопросовъ, на которые ожидали бы отвѣта въ изслѣдованіи объ Иллиризмѣ, а между тѣмъ отвѣта, вполнѣ удовлетворяющаго, въ сочиненіи г-на Кулаковскаго нѣтъ. Есть кое-что разбросанное въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, но прямого отвѣта ни на одинъ изъ упомянутыхъ вопросовъ не отыщешь. Надѣялись бы скорѣе всего наткнуться на разсужденія подобнаго рода тамъ, гдѣ спеціально рѣчь идетъ о Гаѣ. Но хотя о немъ въ двухъ разныхъ мѣстахъ разсказывается очень много, есть даже такія мелочи изъ его жизни, которыя просто можно считать поэтическими прибаутками (Гай любилъ напускать на себя важность, окружать себя ореоломъ), все-таки самый существенный вопросъ, ему ли принадлежитъ починъ въ замѣнѣ нарѣчій, оставленъ совсѣмъ безъ отвѣта. Авторъ приводитъ одну рукопись, написанную Гаемъ будто бы въ 1830 году «Ueber die Vereinigung der in altillyrischen Districten wohnenden Slaven zu einer Büchersprache»; на этой загадочной тетради стоило остановиться. Содержанія ея мы, правда, не знаемъ, но рядомъ другихъ фактовъ мы въ состояніи доказать, что Гай

въ 1830 году еще не имѣлъ ясныхъ представленій о литературномъ единствѣ всѣхъ «иллировъ». Какъ извѣстно, въ 1830 году вышла брошюра его о введеніи новаго (чешскаго) правописанія въ хорватское (кайкавское) нарѣчіе, но объ Иллиризмѣ въ смыслѣ господства штокавщины тутъ еще и помину нѣтъ. Далѣе мы знаемъ, что Гай въ 1834 году напечаталъ объявленіе (Oglasz) объ изданіи первой политической газеты съ литературнымъ приложеніемъ и это объявленіе написано на кайкавскомъ нарѣчіи, хотя въ немъ уже допускается печатаніе статей также на прочихъ «иллирскихъ» нарѣчіяхъ для литературнаго приложенія «Даницы». Наконецъ мы знаемъ, что въ той же «Даницѣ» еще въ 1835 году Гай напечаталъ статью о правописаніи (Pravopisz), опять на кайкавскомъ нарѣчіи. Только съ 32-го номера того же года «Даницы» сталъ и Гай употреблять штокавское нарѣчіе, которое сначала у него нисколько не отличалось правильностью. Очень можетъ быть, что эта сдержанность у Гая была отчасти только благоразумнымъ разсчетомъ; чтобы не запугать своихъ «хорватовъ» (кайкавцевъ), онъ постарался вести дѣло очень осторожно. Но несомнѣнно была тутъ еще и другая, болѣе простая и естественная причина: не легко было Гаю или Раковцу или Штосу и прочимъ кайкавцамъ сразу начать писать нарѣчіемъ штокавскимъ. Итакъ если Гай и былъ въ ряду первыхъ, сознававшихъ необходимость поворота съ кайкавщины на штокавщину, если у него, можетъ быть, впервые даже зародилась эта счастливая мысль (въ чемъ впрочемъ можно сомнѣваться), все же должно выставить какъ несомнѣнный историческій фактъ, что въ употребленіи штокавщины въ печати другіе сотрудники «Даницы» опередили Гая. Къ числу лучшихъ знатоковъ правильной (славонской) штокавщины принадлежалъ въ кружкѣ Гаевомъ несомнѣнно Бабукичъ, занимавшійся уже тогда грамматическими вопросами, поэтому онъ и выступилъ вскорѣ какъ офиціальный грамматикъ «иллирскаго» нарѣчія. Еслибъ я не зналъ его мягкаго характера (онъ же вѣдь былъ въ теченіе пяти лѣтъ моимъ добрымъ наставникомъ въ загребской гимназіи, съ

1851 по 1856 г.), я рѣшился бы утверждать, что именно ему надо приписать починъ въ дѣлѣ штокавщины. Во всякомъ случаѣ онъ игралъ тутъ не послѣднюю роль. Изъ кайкавцевъ первый сталъ защищать штокавщину графъ Янко Драшковичъ, замѣчательная политическая брошюра котораго подробно изложена въ сочиненіи г. Кулаковскаго. Пока не будутъ обнародованы какія нибудь спеціальныя извѣстія объ интимной дѣятельности кружка, собиравшагося въ 1834, 1835 и слѣдующихъ годахъ около Гая, мы въ правѣ считать графа Драшковича первымъ писателемъ изъ числа кайкавскихъ хорватовъ, поднявшимъ публично свой голосъ въ пользу штокавщины. Но обстоятельства сложились такъ, что въ Гаевомъ кружкѣ рядомъ съ кайкавцами и съ однимъ по крайней мѣрѣ штокавцемъ очутились также чакавцы въ лицѣ двухъ братьевъ Мажураничей, Антона и Ивана. Изъ разсказовъ покойнаго Антона Мажуранича я припоминаю, что онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи «Огласа» (объявленія) относительно первой политической и литературной газеты. Какъ онъ мнѣ разсказывалъ, имъ приходилось бороться съ неимовѣрными трудностями по части языка, пока они составили и написали упомянутый «Oglasz».

Г-нъ Кулаковскій посвятилъ каждому изъ первыхъ дѣятелей Иллиризма по-нѣсколько строкъ въ отдѣльной главѣ, воспользовавшись для этой цѣли очень добросовѣстно всѣмъ доступнымъ біографическимъ и библіографическимъ матеріаломъ. Отдавая и тутъ полную справедливость его усердію я долженъ однакожъ замѣтить, что изъ самыхъ отзывовъ его видно, что дѣятельность всѣхъ тѣхъ лицъ ему извѣстна не вполнѣ, онъ знаетъ ее такъ сказать лишь изъ вторыхъ рукъ; эти лица не сгруппированы у него такъ, какъ требовала того реальная обстановка Иллиризма, ихъ значеніе и участіе въ исторіи этого движенія. Хорошо исполнить эту задачу конечно дѣло нелегкое. Тутъ могли бы автору быть полезны разными указаніями тѣ изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, которые еще лично знали большинство первыхъ представителей Иллиризма, сошедшихъ только

недавно въ могилу. Къ сожалѣнію не видно, чтобы г. Кулаковскій былъ въ состояніи воспользоваться подобнаго рода совѣтами, за исключеніемъ одного ветерана иллирской литературы г-на Шулека (скончавшагося тоже недавно). Жаль, если вина этого пробѣла заключается въ недостаткѣ предупредительности со стороны мѣстныхъ литераторовъ и ученыхъ.

Прислушиваясь въ молодые годы къ разсказамъ тогдашнихъ товарищей по службѣ (въ гимназіи въ Загребѣ, въ началѣ 1860 годовъ), въ числѣ которыхъ были Антонъ Мажураничъ и Вѣкославъ Бабукичъ, принадлежавшіе какъ извѣстно къ первому кружку «иллирійцевъ», я узналъ кое-что отъ нихъ, запомнилъ и со словъ Антона Мажуранича записалъ себѣ на память нѣсколько замѣтокъ, отысканныхъ теперь мною между старыми бумагами. Пользуясь рѣдкимъ случаемъ, заставившимъ и меня заговорить объ Иллиризмѣ, я считаю позволительнымъ сообщить эти замѣтки здѣсь.

А. Мажураничъ сообщалъ мнѣ (и это вѣрно), что въ самомъ раннемъ кружкѣ загребскихъ иллирійцевъ Гая еще не было. Онъ находился тогда въ Градцѣ (въ Штиріи), гдѣ сошелся между прочими съ Вакановичемъ и Вразомъ. О жизни сербовъ и хорватовъ въ Градцѣ въ 1826—1828 годахъ можно найти маленькую статейку въ Новосадской «Даницѣ» за 1870 годъ въ № 1 подъ заглавіемъ: «Србска влада у Грацу».

Членами (первыми) кружка загребскаго, собиравшагося то у Лавослава Жупана, то у Курельца, были по словамъ А. Мажуранича: самъ А. Мажураничъ, В. Бабукичъ, Мараковичъ (учитель бывшаго въ то время въ Загребѣ варшавскаго слависта Кухарскаго), Маричъ (клирикъ), Курелацъ, Деркосъ и Лавославъ Жупанъ.

Разговоры и разсужденія молодыхъ людей касались во-первыхъ національности вообще, потомъ они переходили на вопросъ о языкѣ и наконецъ зашла рѣчь о правописаніи. А. Мажураничъ вмѣнялъ прямо себѣ въ заслугу, что онъ, главнымъ образомъ, толкалъ Гая на штокавское нарѣчіе, въ которомъ-де

и обучалъ его. Но мнѣ сдается, что тутъ безъ Бабукича не обошлось.

Книгу свою о правописаніи привезъ Гай изъ Пешты, она же была написана по внушенію Яна Коллара. На Бабукича, по словамъ А. Мажуранича, сильно вліяла книга Шафарика: Geschichte der slav. Literaturen. Деркосъ стоялъ подъ вліяніемъ другой книги Шафарика: Ueber die Abkunft der Slaven. Про книжечку Коллара: «Sollen wir Madyaren werden» передавалъ мнѣ А. Мажураничъ, что она произвела громадное впечатлѣніе. Клобучаричъ постарался о напечатаніи ея во множествѣ экземпляровъ. Возбужденію умовъ содѣйствовала также книга Кушевича: Iura municipalia.

О выше упомянутомъ Oglasz-ѣ у меня замѣчено, что въ составленіи его главное участіе приняли А. Мажураничъ, Бабукичъ и Мойзесъ.

И на принятіе названія «Иллирскій языкъ» уговаривалъ Гая преимущественно А. Мажураничъ. Оно было принято безъ позволенія свыше, потомъ же было запрещено, но 15 апрѣля 1845 опять разрѣшено. У меня отмѣчено, что еще во время колебанія между выборомъ названія «хорватскаго» или «иллирскаго» языка Гай получилъ чей-то анонимный, на латинскомъ языкѣ написанный, разборъ этого вопроса, въ которомъ рекомендовалось ему принять названіе «иллирскаго языка».

Относительно самого правописанія А. Мажураничъ передавалъ мнѣ, что они съ Бабукичемъ и Мойзесомъ главнымъ образомъ настаивали на принятіи буквы *ě*. Водвореніе новаго правописанія въ Даницу опередила книга, изданная въ то время въ Вѣнѣ: изданіе народныхъ пѣсенъ А. Качича.

Интересны были разсказы Антона Мажуранича о нерасположеніи тогдашнихъ профессоровъ загребской гимназіи къ Иллиризму, доходившемъ иногда до бѣшенства. Напр. профессоръ Грегоричъ рвалъ и бросалъ всѣ хорватскія рукописи. А. Мажураничъ нашелъ на извѣстномъ мѣстѣ рукопись, заключавшую въ себѣ оду Витезовича на Петра Великаго, и подарилъ ее Гаю.

Профессоръ Швалекъ, хотя сталъ со временемъ нѣсколько уступчивѣе, все же доказывалъ въ защиту кайкавскаго нарѣчія, что *е* въ словѣ *отец* гораздо гармоничнѣе чѣмъ *а* въ *отац*. Профессора Дегориція и Хергешичъ не были прямо противниками, но и не поддерживали «иллирійцевъ». Литературнымъ врагомъ штокавщины былъ извѣстный Кристіановичъ, котораго за это и полюбилъ Копитаръ, злѣйшій врагъ Иллиризма.

Въ то время почитали латинскій языкъ какъ lingua academica, мадьярскій какъ lingua patria, а хорватское нарѣчіе какъ lingua exotica! Конечно такъ относились только въ офиціальныхъ, правительственныхъ кружкахъ. Антону Мажураничу, сдѣлавшемуся преподавателемъ въ 1834—35 году, дѣлали замѣчанія и даже письменные выговоры (Шуфляй и Клеменичъ) за его усердіе, что онъ въ первомъ классѣ гимназіи по два урока недѣльные посвящалъ частнымъ образомъ преподаванію народнаго языка, которое было посѣщаемо очень многочисленною публикою.

Вотъ и все, что я нашелъ въ моихъ замѣткахъ по этому вопросу.

Не считаю удобнымъ входить въ подробности. За П. А. Кулаковскимъ остается неотъемлемая заслуга, что онъ первый подарилъ русской и всѣмъ славянскимъ литературамъ исторію столь знаменитаго и столь много шуму въ свое время надѣлавшаго Иллиризма. Онъ создалъ этотъ почтенный трудъ очень старательно, приложилъ къ нему много усилій, отнесся къ своей задачѣ съ любовью, вниманіемъ и съ научнымъ безпристрастіемъ. Онъ взялся за свой трудъ безъ предвзятыхъ мыслей, добивался вездѣ раскрытія истины. Я считаю сочиненіе его вполнѣ достойнымъ присужденія ему преміи Котляревскаго.

Вѣна, 5/17 октября 1895.

II.

Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка.

Составилъ **П. А. Лавровъ.**

Рецензія, составленная **В. Н. Щепкинымъ.**

Въ послѣднее десятилѣтіе изученіе болгарскаго языка сдѣлало громадные успѣхи. Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ перваго значительнаго словаря болгарскаго языка въ изобиліи стали появляться изданія произведеній болгарской народной словесности, собираемой по большей части самими болгарами во всѣхъ областяхъ, населенныхъ болгарскимъ племенемъ. Эти изданія, среди которыхъ видное мѣсто принадлежитъ «Сборникамъ» болгарскаго министерства народнаго просвѣщенія, передаютъ живой языкъ въ записяхъ, обыкновенно, весьма тщательныхъ, съ точнымъ соблюденіемъ различныхъ діалектическихъ особенностей, съ обозначеніемъ ударенія и указаніемъ мѣстности, гдѣ записи сдѣланы.

Громадный матеріалъ, собранный такимъ образомъ въ сравнительно короткое время, впервые открылъ для научнаго изслѣдованія обширную область болгарскихъ говоровъ, чрезвычайная важность которыхъ для славянскаго языкознанія сознавалась и ранѣе, когда свѣдѣнія о нихъ были еще весьма неполны. За обнародованіемъ обширнаго лингвистическаго матеріала очень скоро послѣдовали первыя попытки обработки его. Появились болѣе или менѣе замѣчательныя монографіи, принадлежащія перу главнымъ образомъ молодыхъ болгарскихъ филологовъ, посвященныя отдѣльнымъ говорамъ или отдѣльнымъ вопросамъ

болгарскаго языка. Изслѣдованіе болгарскаго языка вмѣстѣ съ тѣмъ стало пріобрѣтать историческій характеръ: масса новыхъ фактовъ, открытыхъ въ живыхъ говорахъ, заставляетъ изслѣдователей чаще и чаще обращаться къ прошлому болгарскаго языка и искать въ этомъ прошломъ объясненія различныхъ особенностей современныхъ говоровъ. Первую попытку изобразить весь ходъ историческаго развитія болгарскаго языка—попытку, какъ вѣрно отмѣтила критика, нѣсколько преждевременную—представляетъ двухтомное сочиненіе Львовскаго профессора Калины «Studyja nad historyją języka Bulgarskiego».

«Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка», составленный П. А. Лавровымъ, ставитъ себѣ болѣе скромную цѣль. Задача автора состоитъ въ систематическомъ сопоставленіи особенностей живого языка съ показаніями его старой письменности: «настоящій трудъ, читаемъ мы въ предисловіи «Обзора», основанъ на рукописныхъ источникахъ съ одной стороны и образцахъ народнаго языка съ другой». Такимъ образомъ «Обзоръ» представляетъ наблюденія надъ сходными явленіями разныхъ эпохъ языка безъ притязанія на окончательное уясненіе всего историческаго процесса.

Всякій, кто знакомъ съ характеромъ старой болгарской письменности, согласится, что на такое сопоставленіе прежде всего должны быть направлены усилія современнаго изслѣдователя. Болгарскіе памятники XIII, XII, отчасти уже XI-го вѣка свидѣтельствуютъ о томъ, что языкъ пережилъ—главнымъ образомъ въ своемъ вокализмѣ—глубокія фонетическія перемѣны, вслѣдствіе которыхъ традиціонное старославянское правописаніе стало представлять чрезвычайныя неудобства. Образованію новой, общеболгарской орѳографіи мѣшалъ, кромѣ большого разнообразія говоровъ, также особый характеръ болгарскихъ звуковъ: многіе изъ нихъ, не совпадая вполнѣ по выговору, тѣмъ не менѣе легко смѣшивались ухомъ. Отсюда неустойчивая орѳографія, съ трудомъ позволяющая открывать живую рѣчь подъ неточными написаніями. При такомъ состояніи

старой болгарской графики современный языкъ является необходимымъ ключемъ для уясненія стараго языка, и изложенію хода историческихъ процессовъ языка необходимо долженъ предшествовать навыкъ въ правильномъ пониманіи фактовъ старой письменности и ихъ тщательный подборъ.

У своихъ предшественниковъ въ изслѣдованіи болгарскихъ памятниковъ съ этой точки зрѣнія г. Лавровъ нашелъ нѣсколько цѣнныхъ работъ, которыя, однако, посвящены изученію лишь немногихъ, спеціальныхъ явленій. Всестороннее изученіе отдѣльныхъ памятниковъ старой болгарской письменности находится еще почти въ зародышѣ. «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка» требовалъ поэтому прежде всего самостоятельнаго изученія памятниковъ. «Богатыя книгохранилища Москвы, замѣчаетъ авторъ по этому поводу въ введеніи, имѣютъ столь обильный рукописный матеріалъ по языкамъ югославянскимъ, что изученіе его требуетъ продолжительнаго времени и превышаетъ силы отдѣльнаго лица. А между тѣмъ каждая новая рукопись прибавляетъ новые факты». Въ виду этого авторъ ограничилъ кругъ старыхъ памятниковъ, введенныхъ имъ въ изслѣдованіе, извѣстнымъ количествомъ рукописей, дающихъ бо́льшій просторъ живому языку и заключающихъ такимъ образомъ болѣе обильный матеріалъ. «Мы, на сколько это было возможно, читаемъ въ концѣ введенія, старались исчерпать тѣ источники, которые нами указаны, и въ собраніи извлеченныхъ изъ нихъ фактовъ заключается главнымъ образомъ значеніе нашего труда». Отдавая полную справедливость труду г. Лаврова, мы не можемъ не пожалѣть только о томъ, что изслѣдованныя имъ рукописи не нашли въ «Обзорѣ» каждая хотя бы краткой, но связной характеристики по отношенію къ своему языку. Такая характеристика несомнѣнно дала бы болѣе цѣльное освѣщеніе отдѣльнымъ фактамъ этихъ рукописей, разнесеннымъ по соотвѣтствующимъ главамъ «Обзора».

Книга г. Лаврова содержитъ болѣе 400 страницъ въ большую восьмушку. Изъ нихъ нѣсколько болѣе половины занимаетъ

обзоръ фонетики и морфологіи болгарскаго языка. Другую, нѣсколько меньшую часть книги составляютъ приложенія, распадающіяся на два отдѣла; первый заключаетъ образцы среднеболгарскаго и новоболгарскаго языка: 1) два отрывка изъ Манассіиной лѣтописи, по рукописи Синодальной библіотеки № 38 — 1345 года; 2) отрывокъ изъ сборника Имп. Публичной Библіотеки—1348 года. 3) Нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ Паремейника Лобкова (Хлудовской библіотеки № 142, XIII—XIV в.). 4) Двѣ статьи по рукописи изъ собранія акад. Тихонравова, XVII вѣка, и одна статья по рукописи XVIII вѣка изъ того же собранія. 5) Нѣсколько болгарскихъ пѣсенъ, записанныхъ весьма точно Т. Влайковымъ на его родинѣ (с. Пирдопъ, Софійскаго округа); пѣсни представляютъ образецъ одного изъ срединныхъ болгарскихъ говоровъ. Второй отдѣлъ приложеній представляетъ словарь; въ него вошли такія слова изъ изслѣдованныхъ г. Лавровымъ памятниковъ, которыя совершенно отсутствуютъ въ старославянскомъ словарѣ Миклошича (Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum), или отмѣчены въ немъ въ другой формѣ или съ другимъ значеніемъ, — въ общемъ болѣе 2000 словъ. — Предъ началомъ изслѣдованія помѣщенъ обзоръ источниковъ, которыми пользовался авторъ. Кромѣ печатныхъ изданій новыхъ и старыхъ текстовъ и различныхъ спеціальныхъ изслѣдованій здѣсь указано около двадцати рукописей, относящихся преимущественно къ XII—XV вѣкамъ и по большей части подробно изслѣдованныхъ авторомъ.

Въ фонетикѣ, которою начинается изслѣдованіе г. Лаврова (стр. 13—122), значительно бо́льшая часть посвящена исторіи болгарскихъ гласныхъ. Существенные отдѣлы этой главы составляетъ изложеніе судьбы древнихъ носовыхъ гласныхъ ѫ и ѧ и такъ называемыхъ «глухихъ» ъ и ь.

Два главныхъ вопроса представляются изслѣдователю по отношенію къ юсамъ: какимъ путемъ шло измѣненіе этихъ звуковъ въ болгарскомъ языкѣ и какія явленія языка скрываются подъ графическимъ явленіемъ, которое принято называть сред-

неболгарскимъ «смѣшеніемъ» или «смѣной» юсовъ. Г. Лавровъ на основаніи собраннаго имъ матеріала разрѣшаетъ первый изъ этихъ вопросовъ слѣдующимъ образомъ: носовыя гласныя очень рано распались на группу «неносовая гласная + носовая согласная»; носовая согласная такихъ группъ вслѣдъ за тѣмъ исчезала въ большинствѣ говоровъ. Кромѣ того авторъ «Обзора» допускаетъ, что въ группѣ «неносовая гласная + носовая согласная», полученной изъ ѫ, гласная въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка была уже различная, каковое различіе сохранилось и по исчезновеніи носовой согласной. Такому взгляду противорѣчатъ однако какъ теоретическія соображенія, такъ и показанія болгарскихъ говоровъ. Въ судьбѣ носовыхъ гласныхъ наблюдается или переходъ въ гласныя неносовыя или распаденіе на группу «гласная неносовая + носовая согласная». Но эта группа обыкновенно не обнаруживаетъ наклонности къ утратѣ носовой согласной. Такимъ образомъ обычное болгарское *мъдър* нельзя выводить изъ діалектическаго *мъндър*, или *гледам* изъ *глендам;* и тѣ и другія формы одинаково восходятъ къ общеболгарскимъ *мъ̨дър* и *глѐ̨дам* съ носовыми *ъ* и *ѐ* [1]). Равнымъ образомъ діалектическое *мадар* не восходитъ къ предполагаемому г. Лавровымъ **мандар*, а діалектическое *модор* — къ **мондор*. Группа «гласная неносовая + носовая согласная», если оставить въ сторонѣ спорадическіе случаи, составляетъ діалектическую особенность нѣскольких македонскихъ говоровъ. Для всей остальной массы болгарскихъ говоровъ слѣдуетъ принять простой переходъ носовыхъ гласныхъ въ гласныя неносовыя. Самъ авторъ «Обзора» отмѣчаетъ фактъ, что во всѣхъ говорахъ, не знающихъ группы *ън* изъ ѫ или *ен* изъ ѧ, юсъ большой совпалъ со старымъ *ъ* (насколько это послѣднее не перешло въ болѣе раннюю эпоху въ *о*) и имѣлъ съ нимъ общую судьбу, т. е. испыталъ напр. діалектическій переходъ въ *а* и *о*. Я не касаюсь этихъ вопросовъ подробнѣе, потому что они получили обстоя-

---

1) О звукѣ, обозначаемомъ чрезъ ѐ, рѣчь идетъ ниже.

тельное разъясненіе въ статьяхъ И. Облака[1]), установившаго также фактъ болѣе ранней утраты носоваго характера юсовъ въ открытомъ конечномъ слогѣ.

Среднеболгарской смѣны юсовъ авторъ «Обзора» касается на стр. 30—34. Изложивъ результаты извѣстныхъ наблюденій профессора Лескина надъ употребленіемъ юсовъ въ среднеболгарской письменности, г. Лавровъ обращается къ показаніямъ современныхъ говоровъ. Изъ того, что изслѣдователь говоритъ о сущности (стр. 20 и 33) среднеболгарской смѣны юсовъ, можно заключить, что онъ приписываетъ этому явленію безусловно фонетическія причины. Такому взгляду безъ сомнѣнія и слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ различными, отчасти весьма неловкими, попытками объяснить смѣну юсовъ графически. При этомъ однако г. Лавровъ замѣчаетъ, что смѣна юсовъ не обозначаетъ ихъ полнаго отожествленія въ выговорѣ. Теоретически это дѣйствительно должно принять для извѣстной эпохи и, какъ увидимъ далѣе, для нѣкоторыхъ спорадическихъ случаевъ смѣны. Однако можно думать, что въ болгарскихъ памятникахъ XII и послѣдующихъ вѣковъ написанія шѫ, жѫ, штѫ, ждѫ и др. (вм. старыхъ шѧ, жѧ, штѧ, ждѧ) и написанія рѧ, лѧ, нѧ и др. (вм. старыхъ рѭ, лѭ, нѭ) вполнѣ точно передавали выговоръ, т. е., что при извѣстныхъ условіяхъ ѧ въ эту эпоху вполнѣ совпало съ ѫ и наоборотъ. На это указываетъ съ одной стороны постоянство, съ которымъ упомянутыя написанія появляются въ среднеболгарской письменности, съ другой — тѣ изъ современныхъ говоровъ, которые сохранили слѣды этого явленія: въ этихъ говорахъ ъ такихъ формъ, какъ *жътва*, *шътам*, *ѣзикъ* (изъ жѧ-, шѧ-, ѩ-) раздѣляетъ судьбу стараго ъ и совпавшаго съ нимъ ѫ; поэтому изъ *іъ*-, *жъ*-, *шъ*- діалектически получается *іа*-, *жа*-, *ша*-, *іо*-: *іазик* и *іозик, жадни* и т. п., — совершенно такъ же, какъ изъ стараго ѫ находимъ ъ, *а* и *о*. Переходъ ѧ въ ѫ долженъ былъ, слѣдовательно, произойти въ очень раннюю эпоху.

---

1) Archiv für slavische Philologie томы XVI. 481 и XVII, «Сборникъ» болг. минист., т. XI.

Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить графику средне-болгарскихъ памятниковъ съ графикой древнѣйшихъ кирилловскихъ и глаголическихъ рукописей въ одномъ спеціальномъ случаѣ.

Однимъ изъ отличій ѧ отъ ѫ была нѣкоторая мягкость согласныхъ, предшествовавшихъ юсу малому. Но въ языкѣ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ есть грамматическая форма, въ которой подъ вліяніемъ аналогіи появился звукъ ѧ безъ предшествующей мягкости; это — формы им. пад. ед. ч. муж. рода въ причастіяхъ настоящаго времени отъ твердыхъ глагольныхъ основъ (I кл. и V кл.): жива, грѧда, неса, са, ѣда, заступающія мѣсто болѣе первоначальныхъ формъ живы, грѧды, несы, сы, ѣды. Эта замѣна предполагаетъ еще существующей систему флективныхъ формъ склоненія и принадлежитъ слѣдовательно къ очень древней эпохѣ: жива появилось при косвенныхъ падежахъ живѫща, живѫщоу и т. д. по аналогіи мягкихъ основъ (III кл.), гдѣ при косвенныхъ падежахъ пишѫшта, дѣлаѭшта и т. д. существовали именительные пишѧ, дѣлаѩ съ юсомъ малымъ. Звукъ ѧ безъ предшествовавшей мягкости (въ кирилловской транскрипціи глаголическихъ текстовъ для него принято обозначеніе чрезъ а) древнѣйшими кирилловскими памятниками на письмѣ совершенно не отличается отъ ѧ; древніе глаголическіе памятники при обозначеніи этого звука также исходятъ отъ начертанія юса малаго є; но обозначаютъ фонетическое отличіе вновь полученнаго звука отъ стараго юса малаго особой скобой передъ знакомъ є. Обычнымъ написаніемъ среднеболгарской графики въ занимающемъ насъ случаѣ является не ѧ, а ѫ: живѫи, орѫи, връхѫи, могѫи, сѫи. Такое правописаніе, хорошо извѣстное изъ болгарскихъ памятниковъ начиная съ XII вѣка, въ отдѣльныхъ случаяхъ проникло и въ древнѣйшіе старославянскіе памятники. Можно думать, что въ болгарскихъ говорахъ юсъ малый такихъ формъ при утратѣ носового характера перешелъ въ ѫ именно вслѣдствіе отсутствія предшествующей мягкости.

Фонетическій случай того же рода въ живыхъ болгарскихъ говорахъ представляютъ вѣроятно мѣстоименныя формы *мъ, тъ, съ* (Цанк. *тй, tй, sй*), откуда въ говорахъ и *ма, та, са,* — изъ среднеболгарскихъ **мѫ, тѫ, сѫ** съ неносовымъ **ѫ=ъ**; формы *ме, те, се,* встрѣчаемыя въ другихъ говорахъ, восходятъ непосредственно къ **мѧ, тѧ, сѧ**. Діалектическая утрата мягкости передъ **ѧ** въ этомъ случаѣ объясняется вѣроятно энклитическимъ употребленіемъ этихъ формъ; выводить ихъ *ъ* (*й*) прямо изъ **ѧ** не представляется возможности. Родопскіе говоры, развившіе, какъ мы увидимъ далѣе, значительную мягкость согласныхъ передъ **ѧ**, въ этихъ энклитическихъ формахъ мягкости не имѣютъ; онѣ звучатъ въ Родопахъ *ма, та, са,* при чемъ родопское *а* восходитъ здѣсь къ неударяемому *ъ* изъ **ѫ**. Переходъ **ѧ** въ **ѫ** вслѣдствіе утраты предшествующей мягкости представляетъ рѣдкій случай. Обращаюсь теперь къ главнымъ условіямъ, вызывавшимъ въ среднеболгарскомъ переходъ **ѧ** въ **ѫ** и **ѫ** въ **ѧ**.

Отъ автора «Обзора» не ускользнуло неполное соотвѣтствіе фактовъ старой письменности съ фактами живого языка по отношенію къ смѣнѣ юсовъ. Такъ напр. переходъ **ѧ** въ **ѫ** наблюдается въ среднеболгарскихъ памятникахъ довольно послѣдовательно послѣ согласныхъ **ш, ж, шт, жд,** между тѣмъ какъ послѣ *j* мы не наблюдаемъ такой правильности: въ этомъ случаѣ — смотря по памятнику — можно найти **ѫ** вмѣсто стараго **ѩ** и **ѧ** вм. стараго **ѭ**. Между тѣмъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ переходъ **ѧ** въ **ѫ** наблюдается послѣ *ш, ж* и *j,* — послѣдній звукъ дѣйствуетъ совершенно также, какъ шипящія. Поэтому нельзя не принять прекраснаго объясненія И. Облака, который въ колебаніи среднеболгарскихъ писцовъ по отношенію къ **ѧ** и **ѫ** послѣ *j* видитъ въ значительной степени безпомощность графики для изображенія группы *jъ* (*jй*). Отсутствіе въ живыхъ говорахъ случаевъ перехода **ѧ** въ **ѫ** послѣ **шт** и **жд** объясняется вѣроятно случайными причинами. Въ старомъ языкѣ примѣры этого рода, за исключеніемъ развѣ корня **штѧд-**, являются въ грамматическихъ окончаніяхъ, теперь утраченныхъ или измѣненныхъ

аналогіей. По той же причинѣ всѣ достовѣрные примѣры перехода ѧ въ ѫ послѣ ш и ж ограничиваются въ живыхъ говорахъ также коренными слогами.

Авторъ «Обзора», не изслѣдуя причинъ неполнаго соотвѣтствія между среднеболгарскимъ и новоболгарскимъ явленіемъ, тѣмъ не менѣе высказывается въ пользу существованія фонетическаго преемства между ними.

Переходъ ѧ въ ѫ послѣ слитныхъ согласныхъ ч, ц, ѕ уже въ среднеболгарскомъ языкѣ носитъ явно діалектическій характеръ, сообразно съ чѣмъ и современные говоры почти не представляютъ примѣровъ этого рода. И. Облакъ приводитъ напр. форму *чъсто* (=чѧсто) и *чъдо* (=чѧдо). Правда, г. Лавровъ относитъ сюда-же родопскія формы *чоста гора*, *зачоха*, *чодо;* но на самомъ дѣлѣ эти формы должны быть объясняемы иначе, такъ какъ въ Родопахъ, въ противуположность другимъ болгарскимъ говорамъ, ѧ переходитъ въ *'о*, *'оа* (=*о* и *а*° съ предшествующей мягкой согласной) послѣ всевозможныхъ согласныхъ; самъ авторъ «Обзора» приводитъ напр. родопскую форму *гліоданіе*. Этотъ родопскій процессъ не можетъ быть отождествляемъ съ среднеболгарской смѣной юсовъ, хотя и бросаетъ свѣтъ на ея причины.

Нельзя не пожалѣть, что г. Лавровъ не включилъ въ свою книгу связной характеристики по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ, болгарскихъ говоровъ. Родопскіе говоры, рано обособившіеся и сохранившіе много старины, представили бы при этомъ особенно благодарный матеріалъ. Основныя фонетическія черты этихъ говоровъ безъ большихъ затрудненій извлекаются изъ родопскихъ текстовъ, изданныхъ въ большомъ количествѣ.

Въ Родопахъ при извѣстномъ условіи развилась довольно сильная мягкость согласныхъ передъ гласными небными. Съ другой стороны родопскіе говоры, подобно прочимъ болгарскимъ говорамъ, указываютъ на раннее совпаденіе звуковъ ѫ и ъ. Подъ удареніемъ изъ ѫ и ъ получилось *о* или *оа*, — звукъ,

опредѣляемый, какъ открытое *о* (*а°*). Внѣ ударенія изъ ѫ, ъ, получилось *а: рóка, прóт, кóща* или въ др. говорахъ *роáка, проáт, коáшта*, но *ракоá-та, воáтакан* («утокъ», членная форма). Если родопскому ѫ, ъ предшествовала мягкая согласная, то мягкость сохранилась: подъ удареніемъ получилось *'о, 'оа*, внѣ ударенія — *'а^е* (=открытое *е*; пишется *е, я, еа*): *душьóса* («душа», членная форма), *мажьóт* («мужъ», членная форма), но *вéчереа* (=вечерѭ, cas. gener.), *комшúеа*, глаголы, 1. s. praes., *са пóмачеа* («помучусь»), *úздиреа*, членныя формы *кóнеат, цáреат*. Совершенно также, какъ *'ъ* (изъ ѭ и 'ъ), измѣняется въ Родопахъ и старый ѧ: *гльоáдам, сръоáшнеа, путьоáглим, стьоáгнал, зьóт, тьóшка* (утрата мягкости наблюдается часто въ формахъ глагола възѧти: *зоáл, зоáх);* внѣ ударенія изъ ѧ получается *а^е*: *тéлеану* («теленокъ», членная форма), *пáмеат, прúглеат* (= — д), *три зáеака.* Законъ этотъ проведенъ въ такой массѣ случаевъ, что встрѣчающіяся порой отклоненія не могутъ поколебать его. Изрѣдка встрѣчаемыя формы какъ *глéдам, лéгнува, са тресе* объясняются вѣроятно заимствованіемъ изъ другихъ говоровъ или иногда — неточностью записи; есть тексты, не знающіе такихъ отклоненій отъ общаго закона. Въ неударяемыхъ слогахъ ѧ иногда имѣетъ закрытый выговоръ: *зáици;* это также вѣроятно объясняется заимствованіемъ изъ другихъ говоровъ, также какъ и закрытый выговоръ неударяемаго *е* и *ѣ: лижи* («лежитъ»), *сидеала* («сидѣла»). Такія формы заимствовались изъ говоровъ, обращавшихъ въ *і* неударяемое *е* всякаго происхожденія (изъ є стараго, изъ ѧ, изъ ѣ и изъ ь). Вообще-же слѣдуетъ признать, что въ Родопахъ ѧ отличался отъ ѫ только мягкостью предшествовавшей согласной, а не качествомъ самаго звука своего: ѧ перешелъ здѣсь въ 'ъ и совершенно совпалъ съ 'ъ всякаго другого происхожденія. Съ теченіемъ времени родопскіе ъ и 'ъ утратили свой среднеязычный характеръ и перешли въ звуки заднеязычные: ъ въ *о, оа* подъ удареніемъ, въ *а* внѣ ударенія, 'ъ — въ *'о, 'оа* подъ удареніемъ, въ *'а* внѣ ударенія; можно думать, что еще родопскіе ъ и 'ъ имѣли подъ удареніемъ болѣе закрытый звукъ, чѣмъ

внѣ ударенія; во многихъ восточноболгарскихъ говорахъ до сихъ поръ существуетъ такая разница между ударяемымъ и неударяемымъ *ъ*. Что касается звука *'а*, полученнаго изъ неударяемаго *'ъ* различнаго происхожденія, то это *'а*, подобно всякому другому *'а* перешло въ Родопахъ въ *'аᵉ* (пишется *е, я, еа*). Ту же судьбу имѣло въ Родопахъ *'а* изъ ударяемаго ѣ и ударяемаго стараго 'ѧ: *хлеáп, теáсну; чеáкаітеа, уфчеáреат, чеáша, жеáлну*.

Въ родопскихъ говорахъ есть случаи перехода стараго є въ *'о, 'оа*. Но такіе случаи сравнительно рѣдки и не могутъ быть отождествляемы съ систематическимъ переходомъ юса малаго въ *'о, 'оа*. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что ударяемое родопское *е* не отличается по звуку отъ обычнаго болгарскаго *е;* но внѣ ударенія родопское *е* имѣетъ открытый характеръ; оно изображается чрезъ *еа* и по звуку совершенно совпадаетъ съ тѣмъ *еа*, которое получилось въ Родопахъ изъ ѣ, 'ѧ и неударяемаго 'ъ. Это позволяетъ думать, что въ неударяемыхъ слогахъ звуки є, ѣ, 'ѧ обратились первоначально въ 'ъ, откуда далѣе *'а*, къ которому восходитъ современное родопское *еа*. Только въ ударяемыхъ слогахъ ѣ и 'ѧ старое перешли въ *еа* непосредственно, безъ промежуточной стадіи *'ъ*. Изслѣдователи отмѣтили уже различныя черты, роднящія родопскіе говоры съ восточноболгарскимъ нарѣчіемъ. Къ такимъ чертамъ относилось-бы и предполагаемое измѣненіе родопскихъ неударяемыхъ *е, ѣ, 'а* въ *'ъ*. Діалектически въ Родопахъ и теперь извѣстенъ переходъ неударяемаго *е* (и *і*) въ *ъ* (съ утратой предшествующей мягкости). Таковъ говоръ въ мѣстности Рупчосъ. Въ восточноболгарскомъ нарѣчіи есть говоры, знающіе переходъ неударяемаго *е* въ *'ъ* въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Таковъ напр. говоръ Пещерскій [1]), географически близкій къ родопскимъ горамъ: онъ обратилъ нѣкогда въ 'ъ всякое первоначально неударяемое *е;* изъ такого *'ъ*, какъ и во многихъ другихъ говорахъ получилось современное Пещерское «глухое» ê,— звукъ среднеязычнаго ряда,

---

1) Пещера лежитъ въ Восточной Румеліи, къ югу отъ Татаръ-Пазарджика.

по общему акустическому впечатлѣнію напоминающій *е*. Общую черту Пещерскаго и родопскихъ говоровъ составляетъ также своеобразный переносъ ударенія влѣво, наступившій уже послѣ того, какъ неударяемое *е* перешло въ *'ъ: е,* вновь утрачивавшее удареніе въ силу этого переноса, уже не переходило въ *'ъ, 'а, 'аᵉ*; поэтому напр. *іу́ме* («имя», изъ *іуме́*), а не *іу́меа*. Когда новое удареніе падало на *'ъ*, полученное изъ неударяемаго *е* или *ѣ*, это *'ъ* измѣнялось, какъ и всякое ударяемое *'ъ*, въ *'о, 'оа*. Такъ напр. изъ *ела́, сла́те* («прійди», «прійдите») чрезъ посредство *іъла́, іъла́те* явилась современная родопская форма *іо́ла* и *іоа́лате* съ перенесеннымъ удареніемъ. Такимъ же образомъ родопское *прутио́кла* получилось изъ *протекла́*. Энклитическое *е* (= est) перешло въ *іъ*, откуда развилась ударяемая форма *іоа́* при неударяемой *еа*. Въ формѣ *бьо́ха* (=бѣхж) *ьо* трудно объяснить фонетическимъ путемъ; быть можетъ оно возникло по аналогіи *бьо (изъ бѣ), которое первоначально было энклитическимъ. Въ родопскихъ говорахъ есть также слѣды стараго перехода неударяемыхъ *а* и *о* въ *ъ*. Такъ напр. вопросительная частица *доа́ли* должна восходить къ формѣ **дъ́ли*, а эта къ *дъли́*, получившейся изъ обычнаго болгарскаго *дали́* (=да-ли); *сроа́мути* возникло при переносѣ ударенія изъ *сръмути́*, а это изъ *срамоти́*. Слѣды перехода *о* въ *ъ*, откуда при неударяемости *а*, гораздо многочисленнѣе. Авторъ «Обзора» сопоставляетъ ихъ на стр. 71 подъ заглавіемъ «случаи аканья». Изъ примѣровъ, тамъ собранныхъ, можно заключить, что въ *ъ* и далѣе въ *а* переходило нѣкогда неударяемое *о* начальнаго слога: *астареал, адьвел, аставил, атишли, пасръошнали, пагльодали, паслала, нащеа* (ср. *noštê* у Цанк.), *наштувахме*. Сюда же слѣдуетъ, вѣроятно, относить и форму *ба́лну* при *бо́лну* («мен ни ми еа ништу балну» при «какво му еа бо́лнуту») «больно, болитъ»; удареніе на *а* конечно не первоначальное.

Къ сравнительно позднимъ процессамъ родопскихъ говоровъ принадлежитъ переходъ неударяемаго *о* въ *у, 'о* въ *'у*: ему подвергается не только старое *о*, но также *о* изъ среднеязычныхъ

звуковъ, получавшееся первоначально только подъ удареніемъ. Такъ напр. энклитическое *връуть, връут, врут* «подъ рядъ», «все» восходитъ къ формѣ **въ рѧдъ**, откуда получилось *връдд* и далѣе, въ энклизѣ, *връут*.

Говоря (на стр. 32) о переходѣ ѫ въ ѧ авторъ «Обзора» указываетъ, что и въ этомъ случаѣ факты среднеболгарской письменности не вполнѣ совпадаютъ съ фактами живого языка. Въ среднеболгарскомъ ѫ переходитъ въ ѧ послѣ этимологическихъ *рј, лј, нј* и *пј, бј, вј, мј*, т. е., какъ можно предполагать для языка той эпохи, послѣ мягкихъ л̂, р̂, н̂ и послѣ пл̂, бл̂, вл̂, мл̂ (или *пі̯, бі̯, ві̯, мі̯*). Подобное явленіе наблюдается въ нѣкоторыхъ болгарскихъ говорахъ. Въ разложскомъ говорѣ, впервые описанномъ Вукомъ Караджичемъ (Додатак к санктпетербургским сравнитељним рјечницима), это явленіе имѣетъ всѣ признаки древности; здѣсь мы постоянно находимъ чистое *е* въ именит. пад. единств. ж. р. такихъ словъ какъ *неделе, вечере, дуне* (изъ *casus generalis* **недѣлѭ, вечерѭ** и т. д.) и въ 1 лицѣ ед. наст. времени такихъ глаголовъ, какъ *гоне, горе, моле, удаве, губе* (**гонѭ, горѭ, молѭ, оудавлѭ, гꙋблѭ**). Но въ томъ же говорѣ находимъ *е* и послѣ другихъ согласныхъ въ такихъ формахъ 1 л. ед. наст. вр., какъ *прате, воде, расквасе, венче, искаче, служе* («Обзоръ» стр. 32—33). Эти формы безъ сомнѣнія вызваны вліяніемъ грамматической аналогіи: при *моле* существовало *молиш, моли* и т. д., вслѣдствіе чего при *пратиш, прати* возникло 1 л. ед. *прате*. Во всякомъ случаѣ разложскій говоръ не зналъ позднѣйшаго закона, который измѣнялъ-бы *'а* (въ данномъ случаѣ изъ *'ѫ*) въ *е*: этому противорѣчили бы приводимыя Вукомъ разложскія формы *свиња, земја* (изъ *cas. gener.* **свинѭ**, **земьѭ*). Вліяніе аналогіи со стороны *моле, горе* и т. д. на *прате, воде* и т. д. могло быть очень старымъ. Нѣкоторое сомнѣніе можетъ быть только относительно формъ какъ *венче, искаче*: г. Лавровъ приводитъ форму им. п. ед. ж. р. *неренче*; изслѣдователь приводитъ ее въ доказательство того, что въ нѣкоторыхъ говорахъ въ эпоху смѣны юсовъ ч было мягкимъ и дѣйствовало

также, какъ и л̑, р̑, н̑ и т. д. Г. Лавровъ приводитъ напримѣръ форму притча (вин. ед.) изъ одной болгарской рукописи XV вѣка. Слѣдуетъ однако замѣтить, что говоръ этой рукописи не можетъ быть сравниваемъ непосредственно съ разложскимъ: эта рукопись имѣетъ также формы душѧ, чашѧ (вин. ед.) и вѣпрошѧ, ловжѧ (1 л. ед.); между тѣмъ ш и ж въ разложскомъ говорѣ не вліяли на измѣненіе слѣдущаго ж въ ѧ; напротивъ, послѣ *ж* находимъ въ Разлогѣ даже обратное явленіе — среднеболгарскій переходъ ѧ въ ж: *зажаднее* (статья И. Облака, Сб. XI. 544), гдѣ *а* получилось изъ *ъ* = ж; такой же переходъ имѣемъ въ разложскомъ говорѣ и послѣ *j* въ словѣ *јазик*, но послѣ *ш* старое ѧ не переходило въ ж: *шеташ, шетнала* (Вук, Додатак, стр. 37 и 41, — изъ шѧт-). Всѣ эти факты позволяютъ думать, что въ среднеболгарской смѣнѣ юсовъ было несравненно болѣе діалектическихъ варіацій, чѣмъ принималъ напр. проф. Лескинъ. Только тщательное изученіе среднеболгарскихъ рукописей можетъ внести полную ясность въ этотъ вопросъ.

Какъ-бы то ни было, разложскій говоръ, съ его двоякой смѣной юсовъ, представляется характернымъ потомкомъ нарѣчія, господствовавшаго въ среднеболгарской письменности. При этомъ и по своему географическому положенію разложскій говоръ относится къ мѣстностямъ, которыя несомнѣнно были захвачены литературной дѣятельностью среднеболгарской эпохи.

Переходъ ѧ въ ж, восходящій къ среднеболгарской смѣнѣ, г. Лавровъ указываетъ и въ другихъ болгарскихъ говорахъ, между прочимъ и въ восточныхъ. Обратнаго явленія, среднеболгарскаго перехода ж въ ѧ, откуда *е*, восточное нарѣчіе б. м. не знало совершенно. Формы *во́ле, ди́не, свине́, глисте́, зъме́*, приводимыя Цоневымъ (Сб. III. 322) изъ шумненскаго говора, если даже допустить, что въ нихъ слышится настоящее *е*, не могутъ быть отдѣляемы отъ цанковскихъ и вообще восточноболгарскихъ формъ, *vólè*, *dínè*, *sfinè́*, *glistè́*, *zŭmè́*. Очень вѣроятно однако, что въ этихъ шуменскихъ формахъ мы имѣемъ дѣло не съ чистымъ *е*, а съ особымъ восточноболгарскимъ звукомъ,

который непосредственно получался изъ ′ъ различнаго происхожденія. Обозначеніе этого звука очень разнообразно, при чемъ полагаться на точность записей и на точность акустическаго воспріятія этого звука записывающими нельзя. Степень его распространенности въ говорахъ очень различна. Въ говорѣ Цанковыхъ (Свищовскомъ) этотъ звукъ возникаетъ подъ вліяніемъ предшествующей мягкости только изъ стараго ѣ и ѫ, въ другихъ восточныхъ говорахъ онъ получается также изъ болѣе новаго ′ѣ, восходящаго къ неударяемымъ ′*а*, *ѣ*, *е*, даже *і*. Вѣроятно по говорамъ существуютъ также различія въ качествѣ этого звука. Цанковы обозначаютъ этотъ звукъ чрезъ *ѐ* и приравниваютъ его къ нѣмецкому *ä*. Въ извѣстномъ мнѣ рущукскомъ произношеніи здѣсь слышится очень открытое *е* особаго оттѣнка, который заставляетъ отнести этотъ звукъ къ среднеязычному ряду, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ происхожденію этого звука изъ ъ. Восточноболгарское *ѐ* по условіямъ образованія всего ближе къ англійской гласной, которая слышится въ словѣ *bird* (ǣ[1], см. Sievers, Grundzüge der Phonetik[4], 96) или въ *how* въ первой части дифтонга (æ[2]); только, подъ вліяніемъ предшествующей мягкости, болгарскій звукъ заключаетъ нѣкоторую склонность къ переднеязычному ряду (звукамъ *і*—*е*): въ его образованіи участвуетъ не только средняя, но отчасти и передняя часть языка. Звукъ *ѐ* есть особенность спеціально восточноболгарская, которую нельзя отожествлять съ среднеболгарской (ограничивавшейся вѣроятно только западными говорами) смѣной ′ѫ въ ѧ, откуда *е*. Но восточноболгарское явленіе представляетъ прекрасную аналогію для среднеболгарскаго процесса; слѣдуетъ только помнить, что оно происходило въ другую эпоху, кромѣ юса большаго отразилось также на глухихъ (т. е. среднеязычныхъ) звукахъ другаго происхожденія (на ъ старомъ, на неударяемомъ ′*а*, *ѣ*, *е*, *і*) и въ своихъ результатахъ вообще еще не дошло до чистаго е.

Причины среднеболгарской смѣны юсовъ станутъ яснѣе, если допустить, что при потерѣ носоваго характера оба юса

перешли въ гласныя среднеязычнаго ряда. Какъ мы видѣли, въ родопскихъ говорахъ юсы даже совпали по звуку: ѧ отличалось здѣсь отъ ѫ только предшествующей мягкостью. Но въ остальныхъ болгарскихъ говорахъ такого совпаденія не было: ѧ съ самаго начала перешло въ гласную, несравненно болѣе открытую, чѣмъ ѫ. Подобное отношеніе *въ степени открытости* между звуками, полученными изъ старыхъ носовыхъ гласныхъ, обнаруживается и въ другихъ славянскихъ языкахъ, напр. въ русскомъ, чешскомъ, словацкомъ. Среднеязычные звуки, полученные болгарскимъ языкомъ изъ ѫ и ѧ, кромѣ физіологическаго родства должны были имѣть первоначально и значительное акустическое сходство вслѣдствіе общаго оттѣнка (*timbre*), который сообщало имъ среднеязычное произношеніе. На физіологическомъ родствѣ основано измѣненіе ѧ въ ѫ и ѫ въ ѧ при извѣстныхъ фонетическихъ условіяхъ, на акустическомъ родствѣ — графическое смѣшеніе юсовъ внѣ этихъ условій. Къ послѣднему случаю относится замѣна юса большаго юсомъ малымъ послѣ твердыхъ согласныхъ: **сьсѧдь** («сосудъ»), **застѧпникь**, **вь глѣ трѧбнѣ** (= **трѫбнѣ**), **голѧбь** и еще нѣкоторые примѣры изъ приводимыхъ г. Лавровымъ на стр. 33. Кромѣ того нѣкоторые, менѣе точные, писцы среднеболгарской эпохи употребляютъ для обоихъ звуковъ — ѫ и ѧ — одинъ общій знакъ: ѫ или ъ, ь. Подобное употребленіе знака ѫ г. Лавровъ отмѣчаетъ (на стр. 34) въ одномъ изъ почерковъ Охридскаго апостола XII вѣка.

Нѣкоторая мягкость, первоначально предшествовавшая всякому ѧ, была причиной того, что этотъ среднеязычный звукъ сталъ измѣняться въ направленіи современнаго восточноболгарскаго *ê*, т. е. получилъ нѣкоторую склонность къ переднеязычному ряду. Постепенное развитіе этой склонности закончилось переходомъ этого звука въ *е* чистое, между тѣмъ какъ отсутствіе мягкости въ такихъ случаяхъ, какъ причастія **орѧн**, **сѧн** и энклитич. мѣстоим. **мѧ**, **тѧ**, **сѧ**, содѣйствовало сохраненію среднеязычнаго характера и дальнѣйшему совпаденію такого ѧ съ ѫ. Звукъ ѧ въ **орѧн**, **сѧн** и въ **мѧ**, **тѧ**, **сѧ** долженъ былъ по-

ходить на діалектическій тетевенскій выговоръ болгарскаго ѫ и ъ и на діалектическое черногорско-которское произношеніе звука ѣ: въ обоихъ случаяхъ слышится среднéязычный звукъ безъ предшествующей мягкости, отличающійся отъ обычнаго болгарскаго ъ только своею открытостью[1]).

При указанномъ характерѣ среднеболгарскаго ѧ становится особенно понятной и причина его графическаго смѣшенія съ среднеболгарскимъ ѣ; ѣ должно было звучать тогда какъ дифтонгическое сочетаніе ′e͡a, которое и теперь, тамъ гдѣ оно произносится, имѣетъ для уха нѣкоторое сходство съ ѐ: при произношеніи дифтонга e͡a языкъ переходитъ изъ передняго положенія въ заднее, при чемъ, необходимо проходя чрезъ среднеязычный рядъ, окрашиваетъ среднюю часть дифтонга оттѣнкомъ этого ряда.

Переходъ среднеболгарскихъ р̑ѫ, л̑ѫ, н̑ѫ и т. д. въ рѧ, лѧ, нѧ совершенно аналогиченъ восточноболгарскому переходу ′ъ въ ѐ и обнаруживается отчасти въ тѣхъ же грамматическихъ категоріяхъ, какъ и этотъ послѣдній. Различіе между обоими процессами заключается въ согласныхъ, вліявшихъ на измѣненіе слѣдующей гласной. Въ среднеболгарскомъ вліяли только смягченныя плавныя, носовыя и губныя, мягкость которыхъ должна была быть сильная.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что нѣтъ основанія ограничивать переходъ ѫ въ ѧ конечными слогами. Если въ живыхъ болгарскихъ говорахъ примѣры этого явленія представляются наблюденію главнымъ образомъ въ конечныхъ слогахъ, то это — такая же случайность, какъ сосредоточеніе случаевъ обратнаго явленія, перехода ѧ въ ѫ, въ слогахъ начальныхъ и коренныхъ. Наибольшее количество примѣровъ для перехода ѫ въ ѧ всегда представляли извѣстныя грамматическія окончанія, часть которыхъ сохранилась и въ новоболгарскомъ языкѣ (1 л. ед. наст. вр. на — ѭ, вин. ед. ж. р. на — ѭ). Но такой случай, какъ

1) Я имѣю въ виду тѣ говоры, гдѣ ъ является вполнѣ среднеязычнымъ звукомъ; въ очень многихъ говорахъ въ образованіи звука ъ участвуетъ также задняя часть языка.

среднеболгарское **вьнѧтрь и вънетренныѧ** при новоболгарскомъ діалектическомъ *внетре*, *нетре* (Обзоръ, стр. 33), доказываетъ, что положеніе слога въ словѣ не имѣло вліянія на переходъ ѫ въ ѧ. Толко что приведенныя формы восходятъ къ формѣ **въньѫтрь**, гдѣ ѭ возникло подъ вліяніемъ начальнаго ѭ въ *ѭтрь, ср. прилаг. **ѭтрьнь** въ Супрасльской рукописи.

Относительно причинъ перехода ѫ въ ѧ существуетъ только одно мнѣніе. Менѣе опредѣленны причины обратнаго явленія, перехода ѧ въ ѫ. Изслѣдователи, признающіе за этимъ явленіемъ фонетическое значеніе, объясняютъ его: одни — раннимъ отвердѣніемъ тѣхъ звуковъ, послѣ которыхъ ѧ переходило въ ѫ, другіе, наоборотъ, ихъ значительной мягкостью. Оба объясненія подрываются однако очень простыми соображеніями: въ новоболгарскомъ переходъ ѧ въ ѫ (т. е. появленіе *ъ* вм. *е*) извѣстенъ говорамъ какъ съ твердыми, такъ и съ мягкими шипящими; кромѣ того объ отвердѣніи *j*'a, дѣйствующаго въ данномъ случаѣ совершенно одинаково съ шипящими, не можетъ быть рѣчи. Это говоритъ противъ вліянія твердости предшествующихъ звуковъ [1]). Ихъ мягкость также не могла вліять на переходъ ѧ въ ѫ: мы видѣли, что въ одновременномъ фонетическомъ процессѣ мягкость плавныхъ, носовыхъ и губныхъ вызывала въ среднеболгарскомъ явленія какъ разъ обратныя. Остается искать причины занимающаго насъ процесса въ самой природѣ вызывавшихъ его звуковъ, независимо отъ ихъ возможной твердости или мягкости.

Вліяніе этихъ звуковъ было въ болгарскомъ языкѣ шире, чѣмъ принимаютъ обыкновенно. На немъ основаны слѣдующія явленія:

1. Переходъ среднеязычнаго неносоваго ѧ (=*ѐ*) въ ѫ (=*ŭ*), извѣстный многимъ говорамъ, въ большинствѣ изъ нихъ вызы-

1) Въ пользу діалектической мягкости слога -шѫ изъ -шѧ можетъ быть свидѣтельствуетъ написаніе вѣровашєѫ (3 л. мн. аор.), находимое въ Охридскомъ апостолѣ: знакъ є вообще является замѣной знака ѥ.

вавшійся только предшествующими **ж**, **ш**, **шт**, **жд** и *j*, въ меньшинствѣ — также согласными слитными **ч**, **ц** и **ѕ**.

2. Переходъ звука **ѣ** въ особый среднеязычный звукъ, обозначаемый болгарскими филологами чрезъ $ѣ_2$. Переходъ этотъ въ живыхъ говорахъ оставилъ слѣды послѣ согласныхъ **ч**, **ж**, **ш**; о вліяніи остальныхъ согласныхъ нельзя судить за неимѣніемъ достовѣрныхъ примѣровъ. Звукъ $ѣ_2$ съ теченіемъ времени совпалъ по большей части со старымъ *ѣ*, но все-же говоры представляютъ по отношенію къ судьбѣ $ѣ_2$ значительныя различія, при чемъ не всѣ три указанныя согласныя дѣйствовали въ говорахъ одинаково. Я подробнѣе говорю объ этомъ явленіи въ главѣ объ *ѣ* и *ъ*.

3. Переходъ *и* (і) и *е* въ *ю* (='*у*), составляющій діалектическое явленіе болѣе рѣдкое и болѣе позднее, чѣмъ два предыдущихъ; и распространеніе его нѣсколько иное: оно наблюдается не только послѣ *ш*, *ж*, *ч*, *шт*, *j*, но отчасти также послѣ согласныхъ, не дѣйствовавшихъ на **ѧ** и **ѣ**. Пестрый матеріалъ, приводимый г. Лавровымъ на стр. 70, представляетъ явленія различныхъ говоровъ и вѣроятно различныхъ эпохъ. Въ виду того, что примѣры перехода *е* въ *ю* относятся къ слогамъ неударяемымъ, автора «Обзора» выводитъ и такое *ю* непосредственно изъ *ѣ*. Заимствую нѣсколько примѣровъ изъ книги г. Лаврова: въ современныхъ говорахъ находимъ: *жюв* съ производными, *жумж'* («жму»), *шюрок* съ производными, *чюрешья*, *чюляк*; *чуфутин*, *чуфчиі*. Формы *юме* (= име) и *юзур* (= извор) заставляютъ предполагать начальное *ji* —. Изъ рукописи XVII в. г. Лавровъ приводитъ слово **коцѹна** = «вощина».

Послѣ другихъ гласныхъ, въ рукописи XVIII в. г. Лавровъ указываетъ *ю* въ формѣ **стѵгнахми** (= стиг-), въ живыхъ говорахъ: *свитюлник*, *пристюлк*, *сюрмах*, *сюнюгър* (= снигер, «снигирь»), *тютюва*, *льувада*, *льутурниж* и др. примѣры. Можно думать, что нѣкоторые случаи этого перехода — послѣ *ш*, *ж*, *шт*, *j*, относятся къ старымъ явленіямъ языка. Любопытно, что послѣ мягкаго *л*, какъ и при юсахъ, наблюдается также

обратное явленіе: въ говорахъ находимъ формы *либе, клич* и т. п. Калина (Hist. jęz. B. § 24) приводитъ изъ памятниковъ XII—XIV вѣковъ довольно многочисленные случаи написанія ы вм. *і* послѣ ж, ш, ц, ѕ, также послѣ губныхъ; послѣ другихъ согласныхъ — значительно рѣже. Книга г. Лаврова не объясняетъ причинъ такого правописанія, т. к. «Обзоръ» вообще не посвящаетъ особой главы судьбѣ звука ы на болгарской почвѣ. Можно думать, что во многихъ случаяхъ написаніе ы вм. *і* выражаетъ особое качество звука. Интересно, что среди примѣровъ, приводимыхъ Калиной, мы не находимъ чы- вм. чи-. Этотъ фактъ можно сравнивать съ рѣдкостью среднеболгарскихъ написаній чѫ вм. чѧ.

Древнѣйшіе случаи перехода *і* въ *ю* (='*у*) должны быть отнесены къ той-же категоріи явленій, какъ и переходъ ѧ въ ѫ, ь въ $ъ_2$, *ъ*; при томъ они бросаютъ свѣтъ на весь ходъ этого процесса. Подобно тому, какъ '*у* могло образоваться изъ *і* только чрезъ посредство *ӥ*, т. е. путемъ лабіализаціи звука *і*, такъ точно, можно думать, ѧ и ь перешли въ ѫ и ъ при посредствѣ лабіализованныхъ ѧ и ь.

Изслѣдованія Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова показали, что лабіализація была исходной точкой многихъ аналогичныхъ процессовъ общеславянскаго и общерусскаго языка, гдѣ всѣ гласныя, подвергшіяся этимъ процессамъ, прошли стадію *ӧ* или *ӥ*. Подобное явленіе можно предполагать и въ болгарскомъ языкѣ; при этомъ за лабіализаціей, т. е. измѣненіемъ въ положеніи губъ, послѣдовала перемѣна въ положеніи языка. Какъ *ӧ* измѣнялось въ направленіи къ заднеязычному ряду (русское *о*) или среднеязычному ряду (малорусское э), такъ и болгарское *ӥ* (изъ *і*) перешло въ заднеязычное *у* съ предшествующей мягкостью (*ю*), лабіализованное ь перешло въ среднеязычный рядъ (звукъ *ъ*), среднеязычное ѧ лабіализованное усвоило себѣ болѣе закрытый выговоръ ѫ, т. е., оставаясь въ среднеязычномъ ряду, измѣнило до извѣстной степени положеніе языка, при чемъ была утрачена склонность ѧ къ переднему ряду.

Но если въ общеславянскомъ и общерусскомъ языкахъ причиной лабіализаціи была мягкость предшествующихъ звуковъ, то въ болгарскомъ причина была иная. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что лабіализація послѣ слитныхъ согласныхъ ч, ц, ѕ была очень слабая, отразившаяся лишь въ немногихъ говорахъ; мягкія ρ̑, λ̑, н̑ и т. д., какъ мы видѣли, въ среднеболгарскомъ совершенно не имѣли лабіализующаго вліянія. Способность сильной лабіализаціи имѣли лишь фрикативныя *j*, ш, ж и группы шт, жд, начинавшіяся съ фрикативной. Фрикативныя изъ класса ш (т. е. различныя *ш* и *ж*) вообще склонны соединяться съ лабіализаціей (Sievers, Grundzüge[4] § 315, 316): вѣроятно въ болгарскомъ языкѣ этой особенностью обладали въ большей или меньшей мѣрѣ и другія фрикативныя. Въ группахъ шт, жд лабіализація распространилась съ первой части группы согласныхъ на вторую ея часть и чрезъ посредство этой послѣдней передавалась слѣдующей гласной. Въ слитныхъ согласныхъ ч, ц, ѕ вторая часть подчинилась въ большинствѣ говоровъ вліянію первой, нелабіализованной части слитной согласной.

Въ главѣ, посвященной гласнымъ ъ и ь авторъ «Обзора» говоритъ о слѣдующихъ явленіяхъ: 1) о выпаденіи ъ и ь; 2) о переходѣ ъ въ о и ь въ е; 3) о переходѣ ь въ ъ и ъ въ ь.

Судьба гласныхъ ъ и ь на болгарской почвѣ изслѣдована гораздо менѣе, чѣмъ судьба болгарскихъ юсовъ. Современные говоры по отношенію къ ъ и ь представляютъ большое разнообразіе, а графика старыхъ памятниковъ весьма неопредѣленна. Все это не могло не отразиться на изложеніи относящихся сюда вопросовъ въ книгѣ г. Лаврова. Впрочемъ усилія г. Лаврова постоянно были направлены на то, чтобы открыть фонетическія явленія, скрывающіяся подъ графикой старыхъ памятниковъ. При этомъ многія предположенія изслѣдователя, какъ увидимъ, заслуживаютъ полнаго вниманія.

Авторъ «Обзора» не останавливается подробно на условіяхъ, при которыхъ гласныя ъ и ь выпадали въ болгарскомъ языкѣ, и не сопоставляетъ всего матеріала, который могли дать въ

этомъ отношеніи изслѣдованные имъ памятники. Систематическій перечень всѣхъ группъ согласныхъ, допускавшихъ выпаденіе ъ и ь, представилъ-бы значительный интересъ. Такіе примѣры, какъ болгарское *дъно*, съ сохранившимся старымъ ъ, при *днес*, *днеска*, *неска* съ выпавшимъ ь въ той-же группѣ д+н, позволяютъ думать, что условія выпаденія для ъ и ь были отчасти различныя. Съ другой стороны по отношенію къ обѣимъ гласнымъ могли быть діалектическія различія. На эту мысль наводятъ такія параллельныя формы, какъ *дъщеря́* и *щéрка* (изъ *дщерка*), *тъкж́* и *ткаам* («тку»), *тънък* и *тнок*, *діал. кнок*; во всѣхъ трехъ случаяхъ формы съ сохраненнымъ *ъ* принадлежатъ восточнымъ говорамъ, съ утраченнымъ *ъ* — западнымъ.

Нельзя не убѣдиться, что болгарскій языкъ долженъ былъ получить изъ общеславянскаго какъ ирраціональныя *ъ* и *ь*, именно въ конечномъ открытомъ слогѣ и передъ слогомъ съ гласными полнаго образованія (между прочимъ и передъ слогами съ раціональными *ъ* и *ь*), такъ и раціональныя *ъ* и *ь* — передъ слогомъ съ ирраціональными гласными. Въ общеслав. яз. по мѣрѣ увеличенія ирраціональности звуковъ *ъ* и *ь*, находившихся въ извѣстномъ положеніи, т. е. по мѣрѣ ихъ качественнаго и количественнаго ослабленія, усиливались какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи *ъ* и *ь* предшествующаго слога. Увеличеніе ирраціональности звуковъ *ъ* и *ь* заканчивалось обыкновенно утратой слоговаго характера и выпаденіемъ этихъ звуковъ на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ. Качеств. и колич. усиленіе *ъ* и *ь* при извѣстномъ положеніи заканчивалось ихъ переходомъ въ классъ звуковъ раціональныхъ, т. е. звуковъ полнаго образованія. При этомъ можно говорить именно о раціональныхъ *ъ* и *ь*, пока эти звуки не совпадали съ другими звуками полнаго образованія. Въ болгарскомъ, какъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ, исчезновенію подвергались только ирраціональныя *ъ* и *ь*. Но между тѣмъ какъ въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ ирраціональныя *ъ* и *ь* исчезали весьма послѣдовательно, въ болгарскомъ многія группы

согласныхъ и извѣстное положеніе въ словѣ препятствовали исчезновенію. Въ этомъ болгарскій языкъ даже въ сравненіи съ ближайшими къ нему югославянскими языками, обнаруживающими ту-же склонность, идетъ своими собственными путями.

Слѣдуя книгѣ г. Лаврова и пользуясь собраннымъ въ ней матеріаломъ, я изложу сначала судьбу болгарскаго ь, потомъ судьбу болгарскаго ъ.

Слѣдуетъ принять, что раціональное ь во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ[1]) болгарскаго языка обратилось въ *е*. «Обычной и правильной замѣной ь, говоритъ авторъ «Обзора» на стр. 38-ой, является въ современномъ языкѣ *е*». Примѣры, приводимые за тѣмъ г. Лавровымъ, представляютъ случаи двухъ родовъ: или случаи фонетическаго перехода раціональнаго ь въ *е*, или случаи переноса такого *е* путемъ аналогіи въ родственныя образованія, которыя фонетически должны были получить ь ирраціональное. Переходъ раціональнаго ь въ *е* доказывается такими примѣрами, какъ *ден, везден, днес, овес, овен, нощес, лев, есенес*, суфф. —*ец* и т. п. Перенесеннымъ по аналогіи *е* является въ такихъ формахъ, какъ прилаг. *ленêн*, *овесêн*, нарѣч. *деня́* (ср. фонетич. выпаденіе ь въ *надница* «поденщина»), суфф. —*ец* въ членной формѣ ед. ч. м. р. (*кладенецът* и т. п.), мн. ч. *лéвове*. Въ такихъ глагольныхъ формахъ, какъ *жéнѫ*, *чéнѫ, читѫ́* (изъ *четѫ́*), *жумѫ́* (изъ *жемѫ́* чрезъ посредство формы *жимѫ́*) *е* возникало подъ вліяніемъ аналогіи другаго рода. При чьнѫ, чьтѫ, жьнѫ, жьмѫ существовали формы -чинам, -читам, -жинам, -жимам (соврем. болг. *начинам, почитам*); на появленіе формъ съ *е* вм. ь должно было подѣйствовать существованіе (очень распространенныхъ въ болгарскомъ языкѣ) образованій — -*грибам, -бирам, -плитам, -нисам,* при *гребѫ*, *берѫ*, *плетѫ*, *несѫ* съ старымъ *е*. При формахъ, вызванныхъ такою аналогіей, болгарскій языкъ сохраняетъ еще въ говорахъ фонетическія *начнѫ, жънѫ, чътѫ*.

1) Кромѣ нѣкоторыхъ, граничащихъ съ сербской областью.

Кромѣ положенія передъ слогомъ съ ирраціональной гласной вѣроятно были и другія, болѣе рѣдкія, условія для возникновенія раціональнаго ъ. Къ такимъ случаямъ могло бы быть отнесено болгарское *стебло* при чешскомъ *stéblo*, польскомъ *ździobło*, *ździebło*, если бы параллельныя формы чеш. *zblo*, польск. *źdźbło*, *dźbło*, *źbło* не заставляли предполагать одновременное существованіе общеславянскихъ формъ **стьбло и стьбьло**.

Что касается ъ ирраціональнаго, то оно во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскаго языка перешло въ *ъ*; при этомъ, по вѣрному наблюденію г. Лаврова, показанія старыхъ памятниковъ языка заставляютъ предположить первоначальный переходъ *ъ* въ *ъ* и въ такомъ положеніи, въ которомъ оно позднѣе выпадало. Всего легче наблюдать такое *ъ* изъ *ъ* въ начальномъ слогѣ слова, такъ какъ при положеніи въ начальномъ слогѣ *ъ* изъ *ъ* удерживалось и въ такихъ группахъ, которыя при положеніи въ срединныхъ слогахъ допускали его исчезновеніе [1]). Сюда относятся такіе примѣры какъ *мъгла, стъкло, тъма, мъзда, тъща, мъстѫ*, *пъстрина, пъстрѫ*, *клънѫ* и др.

Съ теченіемъ времени *ъ*, полученное изъ *ъ* ирраціональнаго, было переносимо въ такія формы, гдѣ по своему положенію *ъ* должно было быть раціональнымъ и слѣдовательно переходило въ *е*. Такое *е* очень часто и слышится при *ъ* во многихъ словахъ, иногда даже въ одномъ и томъ-же говорѣ. Такъ напр. фонетическія формы *темнина, темница, затемнявам* еще слышатся при *тъмнина, тъмница, затъмнявам*, подчинившихся вліянію формы *тъма*, гдѣ *ъ* фонетическаго происхожденія. При *тънък*, гдѣ первое ъ получилось фонетически изъ иррац. *ъ* (ср. макед. діалектич. *тнок* и *кнок*) возникли формы *тънка* (ж. р.), *тънко* (ср. р.) вмѣсто болѣе первоначальныхъ *тенка, тенко*. Цанковы приводятъ еще параллельныя формы *тенчина, истенчавам* и

---

1) Такъ напр. при *по́дпнѫ, о́пнѫ, о́тпнѫ, разо́пнѫ* существуютъ *прѣпъ'нѫ*, *отпъ'нѫ*, образованныя по аналогіи *пънѫ*. Была такая же разница въ судьбѣ начальнаго и неначальнаго слога съ старымъ ъ, ср. *дъно́* и *заднйвамъ*.

тънчина, истъничавам[1]). Выше я указалъ уже, что аналогія имѣла и обратное вліяніе: при *тъмен, тънък* находимъ у Цанковыхъ также *темен, тенък*, гдѣ *е* кореннаго слога перенесено изъ такихъ формъ, какъ *темна, темно, темни, тенка, тенко, тенки*. Въ отдѣльныхъ случаяхъ одна изъ двухъ параллельныхъ формъ слова совершенно вытѣсняла другую; такъ при *пън* («пень») обыкновенно не находимъ основы *пен-*, при *ден* («день») — основы *дън-*; въ первомъ случаѣ взяла верхъ форма косвенныхъ падежей, въ послѣднемъ — форма именительнаго. — Съ теченіемъ времени *ъ*, полученное изъ ирраціональнаго ь, во многихъ случахъ выпадало (напр. почти всюду въ неначальныхъ слогахъ), но и въ такихъ случаяхъ *ъ* нѣкогда переносилось по аналогіи въ положеніе, гдѣ фонетически должно было существовать *ъ* раціональное. Этимъ цѣннымъ наблюденіемъ мы обязаны г. Лаврову, который (на стр. 39) обращаетъ вниманіе на среднеболгарскія формы им. ед. **крътопъ** (=**крътнпъ**) и род. мн. **сѫдωвъ** (=**сѫдьвъ**); звукъ *о* въ обоихъ случаяхъ представляетъ фонетическую (западно-болгарскую) замѣну раціональнаго *ъ*, которое могло возникнуть только по аналогіи ирраціональнаго *ъ*, полученнаго фонетически изъ ирраціональнаго *ь* въ остальныхъ формахъ обоихъ приведенныхъ словъ: **крътъпа, крътъпоу, сѫдъва, сѫдъвы** и т. д., откуда со временемъ **крътпа, крътпоу, сѫдва, сѫдвы** и. т д. Для опредѣленія древности этихъ процессовъ важно, что уже въ Синайской Псалтыри слово **сѫдьва** имѣетъ постоянно **ъ** вм. **ь**, кромѣ род. пад. мн. ч., который всегда звучитъ **сѫдовъ** (Geitler, Psalt. стр. XVIII). Въ живомъ языкѣ только благодаря вліянію аналогіи при *камен, камене* и т. п. могли сохраниться варіанты *камън, камъне* и т. п. (основа **камьн-**), т. к. фонетически въ формѣ **камьнь** срединное *ъ* должно было перейти въ *е*, а въ формѣ **камъне** (изъ **камьне**) оно должно было исчезнуть; ср. *подземница, пламник, питомна, питомно*.

---

1) Изъ стараго языка г. Лавровъ приводитъ **лъвъ, лъвски**, представляющія полную аналогію къ современному *пъс* (при *пес*).

Ирраціональное ѣ при своемъ переходѣ въ ъ совершенно совпало съ ъ старымъ и дѣлитъ всю судьбу послѣдняго въ болгарскихъ говорахъ. Какъ мы уже видѣли ъ изъ ь, попадая въ положеніе ъ раціональнаго, перешло въ западныхъ говорахъ въ *о*. Въ болѣе позднюю эпоху оно переходило въ *а* въ тѣхъ западныхъ и срединныхъ говорахъ, которые знаютъ переходъ стараго ъ въ *а*: при сан, даш (**сънъ, дъждь**) въ такихъ говорахъ находимъ и *магла, танка*[1]) *пастро* (**мьгла, тьнъка, пьстро**). Дебрскіе говоры, какъ и изъ стараго ъ, имѣютъ въ такихъ случаяхъ (спеціально дебрское) *о*; *могла, постро* (Обз. стр. 37). При переходѣ ирраціональнаго ь въ ъ утратилась та слабая степень мягкости, которая существовала передъ всякимъ ь. Только кажущееся исключеніе представляютъ въ этомъ отношеніи родопскіе говоры, ибо мы уже видѣли, что родопскія формы *тйовна* (пишется также *тьовна* и *тіовна*) и т. п. восходятъ не къ **т'ъмна* (удар. на 'ъ) изъ **тьмна*, а къ **т'ъмна́* изъ *темна́* съ переносомъ ударенія влѣво. Непосредственно изъ ирраціональнаго ь и въ Родопахъ получалось ъ безъ предшествующей мягкости, какъ то доказываетъ родопская форма *могла, моа́гла*[2]). Отсутствіе мягкости позволяетъ отличать старое ъ изъ ь отъ болѣе поздняго ъ изъ неударяемаго ѣ, 'а, е или і восточныхъ говоровъ; послѣднему предшествуетъ мягкость; такъ напр. Ловчанскій говоръ при *слав'ъі, греб'ън, до неб'ъс, пам'ът* и т. п. имѣетъ формы *камъне, мънъ* (***мьньнъ**) съ болѣе древнимъ ъ изъ ь, удержавшимся благодаря аналогіи; новое 'ъ изъ неударяемыхъ звуковъ восточнаго нарѣчія отвердѣвало только діалекти-

1) ъ (изъ ь) перенесено здѣсь аналогіей въ положеніе ъ раціональнаго, откуда діалектич. (македонское) *о*: *то́нка, тонко, истонче* (Сб. Мин. XI. 556). — Форма *танка* получалась въ говорахъ, не знавшихъ въ болѣе раннюю эпоху перехода раціональнаго ъ въ *о*.

2) Теодоровъ (Пер. Спис. 1883, кн. V. 28) приводитъ изъ одного стараго изданія формы *вьоршіе, префьорка*. Новыя изданія родопскихъ текстовъ такихъ формъ не содержатъ. Что касается родопскаго *дльога*, то мягкость получилась здѣсь до перестановки подъ вліяніемъ слѣдующей гортанной, ср. родопское *воальк* «волкъ», гдѣ *л* получило мягкость подъ вліяніемъ слѣдующей гортанной.

чески, иногда лишь въ извѣстномъ положеніи (напр. ловчанское *ъ* передъ *р*: *грѣдъ'* (= греда, грѧда), *рѣшстáринъ* (= ре-, рѣ-).

Выше, говоря о смѣнѣ юсовъ, я коснулся уже вліянія предшествующихъ согласныхъ *ч*, *ж*, *ш* и др. на болгарское *ь*. Подъ лабіализующимъ вліяніемъ этихъ согласныхъ *ь* перешло со временемъ съ особый звукъ ($ъ_2$), который въ концѣ концовъ по большей части (но не всегда) совпадалъ съ *ъ* старымъ. Этотъ процессъ наблюдается уже во многихъ древнѣйшихъ памятникахъ старославянскаго языка. Въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ всякое ирраціональное *ь* перешло въ *ъ*, измѣненіе *ь* въ $ъ_2$ и *ъ* подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ *ч, ж, ш* и др. можетъ быть наблюдаемо съ точностью только въ слогахъ, имѣвшихъ *ь* раціональное. Я приведу факты изъ нѣсколькихъ говоровъ.

Въ говорѣ Цанковыхъ (Свищово) послѣ *ч* и *ж* находимъ звукъ *è*: *méčèk*, *míličèk*; *téžèk*. Такъ какъ *è* вообще получается непосредственно изъ *'ъ* (*ъ* съ предшествующей мягкой согласной), то слѣдуетъ принять, что $ъ_2$ перешло въ говорѣ Цанковыхъ послѣ *ч* и *ж* въ *ъ*. Что касается цанковскихъ формъ *obíčen*, *mŭ'čen*, *dlŭ'žen*, то чистое *е* вм. *è* получилось здѣсь по аналогіи формъ *dróben*, *dŭždóven*, *grehóven*, *imóten* и т. д. Но послѣ *ш* у Цанковыхъ всегда находимъ чистое *е*: не только въ словахъ *támšen*, *vŭ'nšen*, *segášen* и т. п., то также въ *došél*, *otišél*, въ *šéf* и *šev-ŭ't*, гдѣ не могло быть вліянія аналогіи. Здѣсь слѣдовательно $ъ_2$ не перешло въ *ъ*; но что оно и въ этомъ случаѣ отличалось нѣкогда отъ чистаго *ь* позволяютъ думать другіе говоры.

Въ говорѣ Цонева (Ловча) находимъ *самѝчък, тéжък*, но всегда *душóл* съ *о*. Цоневъ приводитъ также формы *шъв, шъвъ'т* (Сб. III, 317) съ *ъ* послѣ *ш*, но это *ъ* можетъ быть такого-же происхожденія, какъ въ *пън, пѝс, тъмница* и т. п.

Въ говорѣ Влайкова (Пирдопъ, Софійскаго округа) существуетъ нѣкоторая разница въ выговорѣ словъ *дошáл, тéжак* съ одной стороны и *мѝличак* съ другой: *а* въ двухъ первыхъ словахъ имѣетъ легкую склонность къ *ъ*, *ӥ*, какую имѣетъ, по-видимому, въ этомъ говорѣ всякое неударяемое *а* и всякое *а*

изъ стараго ъ и ж. Въ *мӑгичак*, напротивъ, *а* имѣетъ склонность къ цанковскому *ѐ*. Быть можетъ это различіе не первоначально и связано съ тѣмъ обстоятельствомъ, что пирдопское *ч* представляется уху нѣсколько болѣе мягкимъ, чѣмъ *ж* и *ш*. Пирдопскій говоръ, какъ и большинство западныхъ и срединныхъ, могъ измѣнить $ъ_2$ въ чистое ъ при всякомъ положеніи.

Родопскіе говоры имѣютъ изъ $ъ_2$: подъ удареніемъ *'о*, *'оа*, внѣ ударенія *еа* (= e^a); и то и другое указываетъ непосредственно на ъ съ предшествующей мягкой согласной.

Въ западныхъ (македонскихъ) говорахъ *о* такихъ формъ, какъ *тежок, тешок* (Обз. стр. 39) можетъ восходить не прямо къ $ъ_2$, какъ ловчанское *о* въ *душо́л*, а къ ъ изъ $ъ_2$, т. к. западные (македонскіе) говоры измѣняли всякое раціональное ъ въ *о*.

На стр. 39—40 авторъ «Обзора» говоритъ о переходѣ болгарскаго ъ въ ь, относя къ этому явленію такія діалектическія формы, какъ софійское *везе, везело*, солунское и сересское *везми*, македонское *дещера, дещеря*; авторъ приводитъ эти формы въ связь съ тѣмъ старославянскимъ явленіемъ ассимиляціи, которое впервые подробно изслѣдовано Ягичемъ (Archiv für slav. Phil. I и II). Г. Лавровъ не касается вопроса о томъ, почему это явленіе, такъ широко распространенное въ древнѣйшихъ старославянскихъ памятникахъ, оставило такой слабый слѣдъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, и не указываетъ, въ какомъ отношеніи находится къ нему обратное явленіе — болгарскій переходъ ирраціональнаго ь въ ъ. Старославянскіе памятники позволяютъ сдѣлать выводъ, что и переходъ ъ въ ь коснулся фонетически только ъ ирраціональнаго, передъ мягкими слогами съ гласными полнаго образованія. Въ этомъ и заключается отвѣтъ на недоумѣніе проф. Лескина, спрашивающаго (Handbuch[2], стр. 22, прим.), почему ь, ассимилированное въ ъ, и ъ, ассимилированное въ ь, никогда не вокализуются въ старославянскихъ памятникахъ первое въ *о*, послѣднее въ *е*: ирраціональныя ъ и ь вообще не переходили въ *о* и *е*, а ъ изъ ь и ь изъ ъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, были звуками ирраціо-

нальными. Если въ памятникахъ тѣмъ не менѣе встрѣчаются отдѣльные случаи такой вокализаціи, то они не могутъ быть объясняемы исключительно фонетическимъ путемъ. Выше мы видѣли, какого рода аналогія дѣйствовала на появленіе формъ **крътопъ, сѫдовъ**. Аналогія того-же рода переносила и ь, полученное изъ ирраціональнаго ъ, въ такое положеніе, гдѣ старое ъ было раціональнымъ и слѣдовательно фонетически не должно было переходить въ ь. Утвердившись въ такомъ положеніи, ь изъ ъ, какъ и старое ь, переходило далѣе въ е. Такъ возникло напр. старославянское **кьпль**, среднеболгарское **кепль**, гдѣ **ь**, обратившееся далѣе въ е, перенесено въ им. п. ед. **къпль** изъ косвенныхъ падежей **кьпля, кьплю** и т. д., въ которыхъ ь получилось фонетически изъ ъ ирраціональнаго. Другія слова, приводимыя г. Лавровымъ, — **репетъ, ведръ**, повидимому не могутъ быть объясняемы такимъ образомъ. Что касается новоболгарскихъ діалектическихъ формъ *дещера, везе, везело, везми,* то послѣдняя изъ нихъ несомнѣнно основана на формѣ **вьзьми**, въ которой первое **ь** замѣнило гласную ъ раціональное подъ вліяніемъ аналогіи большинства формъ **вьзѧти, вьзѧхъ** и т. д. съ **ь** изъ ъ ирраціональнаго. Предлоги **въ** и **въз**, по свидѣтельству старославянскихъ памятниковъ, особенно часто подвергались ассимиляціи въ **вь**; въ формахъ глагола **вьзѧти** такое **вь** могло стать господствующимъ. Въ формѣ *дещера, дещеря* первое *е*, повидимому, фонетическаго происхожденія: оно могло возникнуть въ говорахъ, не допускавшихъ выпаденія полугласной въ начальной группѣ *дъщ-*, и въ то-же время знавшихъ переходъ ирраціональнаго ъ въ ь передъ мягкимъ слогомъ. Въ эпоху, когда всѣ невыпавшія ирраціональныя гласныя становились раціональными въ болгарскомъ языкѣ, ь такаго происхожденія должно было перейти въ *е*. Напротивъ того формы *везе*, *везело* врядъ-ли могутъ быть объясняемы фонетически. Группа *вз-*, откуда далѣе одно *з-*, не представляла затрудненія для выговора и была извѣстна какъ восточнымъ такъ и западнымъ говорамъ въ формахъ (*в*)*зѐмж*, (*в*)*земам* [гдѣ *е* возникло подъ вліяніемъ

такихъ формъ, какъ *зех*, *зел* (е изъ ѧ)]. Остается предположить, что діалектическія формы *везе*, *везело* возникли подъ вліяніемъ обратной аналогіи со стороны такихъ формъ, какъ *везми*. Какъ бы то ни было, всѣ эти случаи съ *е* вм. ъ указываютъ на то, что сохранившіе ихъ говоры въ древности должны были знать процессъ ассимиляціи ъ въ ь, столь распространенный въ старославянскихъ намятникахъ. Любопытно, что всѣ эти говоры относятся къ западной, точнѣе югозападной, группѣ. Восточноболгарское нарѣчіе по видимому не сохранило слѣдовъ этого процесса.

Изъ всего сказаннаго о переходѣ ирраціональныхъ: ъ въ ь и ь въ ъ ясно, что эти процессы должны были предшествовать переходу ь въ *е* и ъ въ *о*.

Выше мы видѣли, что раціональное ь во всѣхъ областяхъ болгарскаго языка перешло въ *е*. Судьба раціональнаго ъ на болгарской почвѣ представляетъ діалектическія различія. Авторъ «Обзора» на стр. 37 обращаетъ вниманіе на то, что случаи перехода ъ въ *о* въ восточномъ нарѣчіи очень рѣдки, м. т. к. на западѣ этотъ переходъ, напротивъ, очень распространенъ. Дѣйствительно, говоры, знающіе въ обширныхъ размѣрахъ переходъ ъ въ *о*, лежатъ къ югу отъ Софіи и къ западу отъ Родопскихъ горъ, т. е. занимаютъ собственную Македонію и прилегающій къ ней югозападный уголъ княжества Болгаріи. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ районѣ ъ перешло въ *о* совершенно при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ во всемъ болгарскомъ языкѣ ь переходитъ въ *е*. Если оставить въ сторонѣ дебрскіе говоры, не допускающіе точныхъ наблюденій въ виду послѣдующаго измѣненія всякаго ъ (и ѫ) въ о, всѣ остальные говоры очерченнаго района приводятъ къ слѣдующему выводу: ъ раціональное перешло въ *о*; ъ ирраціональное или осталось безъ измѣненія (большинство македонскихъ говоровъ) или въ болѣе позднюю эпоху перешло въ *а* (юго-западный уголъ кн. Болгаріи и прилегающіе къ нему македонскіе и восточнорумелійскіе говоры). Фонетическій переходъ раціональнаго ъ въ своемъ первоначаль-

номъ видѣ можетъ быть наблюдаемъ во многихъ изъ старославянскихъ памятниковъ: **народо-сь, рабо-тъ, цръковь, любовь** въ Зогр. Ев.; **конъ, любовь, плодо-сь, можето-сь, домо-тъ, свѧто-и** въ Мар. Ев.; **начѧтокъ, ложь** въ Ассем. Ев. и т. п. Но уже Синайская псалтырь среди огромной массы примѣровъ съ *о* фонетическаго происхожденія представляетъ также случаи нарушенія фонетическаго закона подъ вліяніемъ аналогіи: *о* переносится въ такое положеніе, гдѣ фонетически оно не могло возникнуть: **соблазни** (Geitler, стр. XVIII). Въ живыхъ говорахъ болгарскаго языка эта аналогія дѣйствовала гораздо сильнѣе. При сущ. *сон* (о изъ рац. ъ) появилось уменьшительное *сонок* и глаголъ *сонувам, сонам*. Въ предлогахъ *о*, возникшее фонетически въ удвоенной формѣ: *сос, вов* (**вовь вѣкъ** уже въ Син. Пс., Geitler, стр. XXIV) и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ *соб(ъ)рати, со що, во що* (**съ что, въ что**), было за тѣмъ перенесено въ сочетанія *во вино, во вода, во очи-те, согледа*; при им. ед. на *-окъ* (изъ **-ъкъ**) стали появляться им. мн. на *-оци: четвърток — четвъртоци*. Для наблюденія всѣхъ этихъ явленій книга г. Лаврова даетъ достаточный матеріалъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ вліяніе аналогіи было незначительно, и фонетическая основа явленія представляется ясно. Таковъ напр. кюстендильскій говоръ, которому посвящена монографія Йордана Иванова въ X т. Сборника болг. минист.; здѣсь мы находимъ формы *воз-, сон, зол, собран, бочва, дош, золва, вонка, лакот, кроток, реток, слаток* (*т* перенесено изъ формъ *слатка, слатко* и т. д.), *песо́к, пето́к, опи́нок*, — *о* во всѣхъ случаяхъ изъ *ъ* раціональнаго. Съ другой стороны въ Кюстендилѣ слышится *лага, даска, макнем, лажица, сна'а, сахне*, гдѣ *а* изъ *ъ* ирраціональнаго; и только *вашка* («вошь») и *такмен* имѣютъ *а* вм. *о* вопреки фонетическимъ условіямъ этого говора. Есть однако говоры, не представляющіе такой правильности и въ то-же время не обнаруживающіе вліянія аналогіи на нарушеніе фонетическаго процесса. Таковъ напр. говоръ Пирдопскій и др. софійскіе, которые или являются говорами, смѣшанными по отношенію къ за-

нимающимъ насъ явленіямъ, или фонетически обращаютъ въ *о* не всякое раціональное *ъ*.

Благодаря переходу раціональнаго *ъ* въ *о*, въ предѣлахъ югозападнаго района болгарскихъ говоровъ является господствующей членная форма *-от*, *-о* въ ед. ч. именъ м. рода. Это видно изъ перечня говоровъ съ членными формами *-ът*, *-ъ*, *-ат*, *-а*, *-от*, *-о*, приводимаго Милетичемъ въ его монографіи «O članu u bugarskom jeziku», стр. 41—42. Древнѣйшіе примѣры такого *-от* въ сочетаніи сущ. м. р. на *-ъ* съ мѣстоименіями *тъ*, *съ* представляютъ уже старославянскіе памятники. Тѣ-же памятники представляютъ древнѣйшіе примѣры окончанія **-ои** въ полной формѣ прилагательныхъ въ им. ед. м. р. Эта форма, восходящая къ болѣе древней на **-ъи**[1]) и до сихъ поръ живетъ въ нѣкоторыхъ говорахъ югозападнаго района (Обзоръ, стр. 179).

Что касается членной формы на *-о*, то ея происхожденіе не можетъ быть чисто фонетическимъ. Членная форма муж. р. безъ конечнаго *т* извѣстна во всѣхъ частяхъ Болгаріи и въ Македоніи; ничто не позволяетъ думать о томъ, что она получилась изъ *-ът*, *-ат*, *-от* вслѣдствіе отпаденія конечнаго *т*; иногда обѣ формы, на *т* и безъ *т* являются въ одномъ и томъ-же говорѣ. Многое указываетъ на ихъ старинное сосуществованіе. Можно предположить, что въ эпоху, когда сочетаніе существительныхъ съ мѣстоименіями стало сильно распространяться въ языкѣ и конечный ъ существительныхъ въ сочетаніяхъ **рабъ-тъ**, **сынъ-тъ** уже получилъ раціональный характеръ, форма существительнаго съ раціональнымъ конечнымъ **ъ** была, безъ утраты значенія членной формы, отвлекаема отъ сочетанія съ послѣдующимъ мѣстоименіемъ: при нечленной формѣ **рабъ**, съ ирраціональнымъ, слабо звучавшимъ конечнымъ ъ, возникла членная форма **рабъ** съ сильно звучавшимъ раціональнымъ конечнымъ **ъ**. Такимъ образомъ получились двѣ однозначующія членныя формы, съ **-тъ** и безъ **-тъ**, которыя съ теченіемъ времени вы-

1) Форма на -ъи появилась при болѣе древней формѣ на -ыи подъ вліяніемъ аналогіи. Объясненіе этого явленія принадлежитъ Ф. Ѳ. Фортунатову.

тѣсняли другъ друга въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка.

Изъ восточныхъ говоровъ г. Лавровъ, вслѣдъ за Циневымъ, приводитъ лишь слѣдующія слова, имѣющія *о* вм. *ъ*: *кој*, *тој*, *този*; *куги*, *тугизи*; *нуштуви*; *любов*, *упувание* (*у* всюду изъ неударяемаго *о*). Допуская вмѣстѣ съ Цоневымъ церковное происхожденіе послѣдняго изъ этихъ словъ, г. Лавровъ думаетъ, что слово *любов* не было заимствованіемъ изъ стараго книжнаго языка. Слово это, съ своими производными, въ концѣ концовъ все таки можетъ оказаться заимствованнымъ восточными говорами въ той фонетической формѣ, какую оно получило на югозападѣ и сохраняло далѣе въ книжной традиціи; быть можетъ и сейчасъ слово *любов* болѣе употребительно на югозападѣ, чѣмъ на востокѣ, гдѣ при пѣсенномъ архаизмѣ *първо либе* (или *любе*) и глаголѣ *либѭ* очень распространено чисто народное *óбич*, *обúчам*. Слова *куги*, *туги* не могутъ быть выводимы изъ *къги*, *тъги*: формы съ *о* являются независимыми старыми варіантами, какъ старославянскія когда, тогда при къгда, тъгда. Слово *нуштуви* (старослав. нъштьвы) существуетъ въ восточноболгарскомъ нарѣчіи также въ формѣ *нъштови*, *нъштви* (Цанк.). Вѣроятно въ этомъ общеславянскомъ словѣ, заимствованномъ изъ германскихъ языковъ, существовало старое колебаніе по отношенію къ гласной кореннаго слога. Миклошичъ (Etym. Wört.) указываетъ слѣдующіе словенскіе варіанты этого слова: *nъške*, *naćke*, *neške*; *nićke*, *niške*; *nuškje*, *nuške*. Остаются мѣстоименныя формы *кој*, *тој* и *този*, въ которыхъ происхожденіе звука *о* неясно; послѣдняя изъ нихъ восходитъ вѣроятно къ *тој-зи*; по крайней мѣрѣ въ «Обзорѣ» древнѣйшіе примѣры этого слова имѣютъ именно такую форму: тоизи — въ памятникахъ XII, XIV, XVII вѣковъ, *този* — въ рукописи XVIII столѣтія (Обзоръ стр. 158). Мѣстоименія *кој*, *тој* (и отчасти *овој*, *оној*) распространены въ такой формѣ во всѣхъ частяхъ болгарскаго племени; только изъ кратовскаго говора Милетичъ (O članu) приводитъ формы съ *ъ*: *тъј*, *овъј*, *онъј* (м. р.); солунскій говоръ

вмѣсто *кој* употребляетъ старое *кто*. Старославянскіе памятники не даютъ вполнѣ ясныхъ указаній относительно происхожденія болгарскихъ формъ съ *о*. Въ болгарскихъ памятникахъ **тои** находимъ уже въ глаголической припискѣ къ Болонской Псалтыри XII в. (**ⰕⰑⰊ**, Срезн., Пам. Юс. письма стр. 49), въ грамотѣ XIII в., въ Троянской притчѣ XIV в. (при **тъи**); **тоизи** — въ Еванг. Григоровича XII в., въ Троянской притчѣ и позднѣе (Обзоръ, стр. 158); **кои** встрѣчается въ грамотѣ XIII в.; въ Тр. притчѣ и позднѣе (Обзоръ, стр. 159). Вѣроятно оба слова представляютъ мѣстоименныя прилагательныя съ такой-же основой, какъ притяжательныя *мой, твой, свой*. По крайней мѣрѣ при *кој* существуютъ формы ж. и ср. р. *коjá, коjé,* при *оној* — *онојá* (Цанк.). Сербское вопросительное мѣст. *кој* представляетъ такое-же образованіе. Въ среднемъ родѣ болгарское *какво́* (при старомъ *що*) представляетъ несомнѣнный примѣръ употребленія мѣстоименнаго прилагательнаго въ смыслѣ существительнаго.

Гораздо болѣе правъ на фонетическое происхожденіе имѣютъ восточноболгарскія членныя формы на *-о* и восточноболгарскій суффиксъ *-ок* (изъ -ъкъ), о которыхъ не говоритъ авторъ «Обзора».

Діалектическую членную форму на *-о* Дриновъ указываетъ въ восточныхъ говорахъ: въ Шумлѣ, Разградѣ, Рущукѣ, въ восточномъ Тырновѣ, въ Лесковцѣ, въ Бабадагѣ (Добруджа) и др. Восточноболгарскій говоръ съ той-же особенностью находимъ въ Тихонравовской рукописи XVIII в., изъ которой г. Лавровъ сообщилъ обширный отрывокъ въ приложеніи (стр. 38—52). Въ говорѣ этой замѣчательной рукописи, несомнѣнно восточноболгарскомъ, членная форма м. р. оканчивается: подъ удареніемъ — на *-о*, внѣ ударенія на *-у, ю*: три венци сведливи, *идинò* ут злато, *фтòрию* от бисцян камак, пък *трѐтию* от смесену цвети райску (стр. 38), и такъ постоянно: у *сдò* 42, зарат *плачò* 43, на *сдò* 44, на *рудò* 44, пу *светò* 46, от *санò* 51, пут *кракò* 52; безъ ударенія: *проро́ку*

*

40, *ангелу* 42, *гробу* 43, *диволу* 43 и т. д. Окончаніе *-а*, встрѣчающееся въ той же рукописи, не должно быть смѣшиваемо съ членомъ: это есть остатокъ флективныхъ формъ, появляющійся только тогда, когда слово стоитъ въ косвенномъ падежѣ; форму на *-а* (именную) принимаютъ въ такомъ случаѣ и прилагательныя: *умрелиятукъ (тукъ = того)* 40, *ангелатукъ* 43, *сюрмахатукъ* 47, *на идную проска* 47, *тарговицатукъ, чилякатукъ.* Интересно, что тотъ-же говоръ имѣетъ и другую изъ занимающихъ насъ особенностей — суффиксъ *-окъ* изъ **-ькъ**: *млатъ момокъ* 41. Вообще-же, надо замѣтить, обѣ эти особенности не всегда встрѣчаются вмѣстѣ: такъ напр. Ловчанскій говоръ не знаетъ членной формы на *-о*, но имѣетъ суффиксъ *-ок*, напр. въ *сл'ѣпòк* (Цоневъ, Сб. III); переносъ ударенія на конечный слогъ произошелъ подъ вліяніемъ стараго ударяемаго суффикса **-óкъ**; подъ вліяніемъ того-же суффикса, *о* могло появляться и во множественномъ числѣ, гдѣ фонетически оно не могло возникнуть.

Для обоихъ случаевъ восточноболгарскаго *о* вм. *ъ* можно указать одно общее фонетическое условіе: въ обоихъ случаяхъ *ъ* было нѣкогда конечнымъ и позднѣе очутилось въ срединѣ слова, въ положеніи, при которомъ *ъ* и *ь* были раціональными. Членная форма *родò, кракò, светò* не можетъ быть отдѣляема отъ *родòт, кракòт, светòт*: ея *о*, какъ я указалъ выше, могло возникнуть фонетически только въ сочетаніи *родъ-тъ, кракъ-тъ, свѣтъ-тъ.* Подобнымъ образомъ и окончаніе — *ъкъ* во многихъ случаяхъ является позднѣйшимъ распространеніемъ окончанія *-ъ*. Я конечно имѣю здѣсь въ виду не общеславянскіе случаи **ѫзъкъ, кратъкъ, льгъкъ, сладъкъ**, для которыхъ родственные языки указываютъ первоначальную форму ***ѫзъ, *кратъ, *льгъ, *сладъ** съ основой на краткое *у* (*й*) *); явленіе, о которомъ я говорю,

1) Такое-же распространеніе происходило въ общеславянскомъ языкѣ и въ другихъ случаяхъ. Старославянскія **крѣпъкъ** при **крѣпъ**, **лѣпъкъ** при **лѣпъ**, **рѣдъкъ** при нарѣчіи **порѣды**, а также **ѩръкъ** при **ѩръ** въ связи съ показаніями другихъ славянскихъ языковъ, имѣющихъ въ этихъ случаяхъ то форму съ *-къ*, то безъ *-къ*, заставляютъ принять такое-же колебаніе и для общеславянскаго языка.

имѣло мѣсто въ болгарскомъ языкѣ, гдѣ окончаніе *-къ* продолжало присоединяться къ различнымъ двусложнымъ прилагательнымъ на -ъ. Въ современныхъ говорахъ такія распространенныя формы очень многочисленны; заимствуемъ изъ словаря А. Л. Дювернуа слѣдующіе примѣры: *благатък* (основано на *благат*), *бръзък* (при *бръз*), *витък* (при *вит*), *гжстък* (при *гжст*), восточноболг. *малък* (при Софійскомъ и Македонскомъ *мал*), *милък* (у Раковскаго), *новък* (при *нов*), *слабáк* (изъ *слáбак, слáбък*, по аналогіи старыхъ словъ на ударяемое *-áк*) при *слаб; тихок* (при *тих*) [1].

На болгарской почвѣ продолжалось вѣроятно и образованіе существительныхъ на *-ък* изъ прилагательныхъ на *-ъ*: на ряду съ старымъ **пѫтькъ** при **пѫтъ** появлялись формы какъ *слѣпък* (при *слѣп*) «слѣпецъ», откуда *слѣпóк; млáдък* (при *млад*) «молодой побѣгъ», откуда *младóк*; въ говорахъ, измѣнявшихъ *ъ* въ *а*, появились формы *босáк, голáк* изъ *бóсък, бóсак, гóлък, гóлак* по аналогіи словъ на ударяемое старое *-áк*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ окончаніе *-къ* присоединялось разумѣется не къ основѣ, которая не существовала отдѣльно, а къ именительному падежу ед. ч., конечное *ъ* котораго должно было имѣть какую-то особенность звука, благопріятствовавшую переходу въ *о*, какъ скоро такое *ъ* попадало въ положеніе, при которомъ *ъ* и *ь* вообще были раціональными. Трудно сказать при какихъ условіяхъ конечное *ъ* пріобрѣтало такое качество и въ какой степени это явленіе носило діалектическій характеръ. Для Ловчанскаго говора можно бы было принять, что *о* въ *слѣпóк* получилось непосредственно изъ того-же звука, какъ *о* (послѣ *ш*) въ *душóл, утишóл*. — Въ старыхъ образованіяхъ на *-ъкъ* суффиксальное *ъ*, никогда не бывшее конечнымъ, не должно было имѣть такого особаго характера. Поэтому при *-ок*, получившемся во многихъ словахъ, въ другихъ должно было удерживаться старое *-ък*. Съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ говорахъ послѣдняя форма

---

1) Распространеніе происходило въ болгарскомъ языкѣ также при помощи суфф. **-ьнъ**: *витен, храбрен*.

могла совершенно вытѣснять первую[1]). Вотъ почему быть можетъ въ отдѣльныхъ восточныхъ говорахъ при членной формѣ на *-о* суффиксъ *-ък* и не представляетъ непремѣнно формы *-ок*. Быть можетъ подобная борьба двухъ формъ происходила и въ членномъ окончаніи. Если предположить, что въ эпоху распространенія члена въ болгарскомъ языкѣ конечное *ъ* уже пріобрѣло тотъ особый выговоръ, о которомъ я только что говорилъ, и котораго конечное *ъ* не имѣло въ болѣе раннюю эпоху, то при старыхъ (общеславянскихъ) сочетаніяхъ **рабъ-тъ, родъ-сь** и т. п. слѣдуетъ допустить появленіе цѣлаго ряда новыхъ сочетаній, въ которыхъ конечно *ъ* существительнаго имѣло уже особый выговоръ; въ новыхъ сочетаніяхъ такое *ъ* переходило въ *о*, въ старыхъ удерживалось. Съ теченіемъ времени въ отдѣльныхъ говорахъ одна изъ двухъ формъ вытѣсняла другую.

Мѣстоименныя формы *кој*, *тој*, *овој* также могли-бы быть включены въ число фонетическихъ случаевъ восточноболгарскаго *о* вм. *ъ*. Въ такомъ случаѣ ихъ слѣдовало-бы объяснять изъ новообразованій *къ-јь, тъ-јь*, *овъ-јь*. Но затрудненіе представила-бы при этомъ форма *кој,* въ виду того, что *ъ* слова *къ* очень рано пересталъ быть конечнымъ (ср. **къто, кыи**).

На стр. 43—47 авторъ «Обзора» разсматриваетъ судьбу сочетаній **ръ, лъ, рь, ль**, а также сочет. **ъл, ър, ьл, ьр** въ такомъположеніи въ словѣ, при которомъ плавныя **р, л** уже въ старославянскомъ языкѣ имѣли вѣроятно слоговой характеръ, а *ъ* и *ь* — неслоговой. Г. Лавровъ излагаетъ позднѣйшую судьбу этихъ группъ въ современныхъ болгарскихъ говорахъ, не касаясь вопросовъ, связанныхъ съ ихъ древнѣйшей исторіей.

Изъ вопросовъ, которыхъ авторъ «Обзора» касается въ концѣ главы о звукахъ *ъ* и *ь*, особаго вниманія заслуживаетъ судьба группы «*согласная зубная + в + ирраціональное ъ въ началѣ слова*». Есть основаніе думать, что при такомъ положеніи въ словѣ эта группа подверглась измѣненію еще въ общемъ

1) Сколько знаю въ восточноболгарскихъ говорахъ существуетъ лишь спорадическое *-ок* при *-ък*.

южнославянскомъ языкѣ[1]). Я сопоставляю примѣры, приводимые г. Лавровымъ изъ стараго и новаго болгарскаго языка, а также нѣкоторые другіе, съ соотвѣтствующими сербскими и словенскими словами.

Старослав. мн. ч. **двьри**, среднеболг. **дъври**, **при дъврехъ** и **дврен**, **дврелмъ** (послѣднія двѣ формы въ Струмицкомъ октоихѣ), словенск. *dveri* (на востокѣ), *duri*, *dovri*, *davri* (на западѣ), *davre* (Рибница, въ Нижней Крайнѣ).

Ст. сл. **ѕвьнѣти**, ср. болг. **по-ѕъкнѣ**, слов. *zveneti* съ другой гласной.

Соврем. болгарское *дъвчѫ* изъ ***двьч-**, слов. *dvečiti*.

Ст. сл. **свьтѣти**, **свьнѫти**, ср. болг. **сьвтить**, **просьвтѣ**, новоболг. *съвне* (откуда *съмне*) при макед. діалект. *усунало*, серб. *сванути*, *савнути*, *самнути*.

Ст. слав. **цвьтѫ**, ср. болг. **цьвтеть**, **цъвтеше**, новоболг. *цъфтѭ*, *цъфнѫ*, *цафтокъ* (изъ *цъф-*) при макед. діалект. *цутим*, *цут*, серб. *цвасти*, *цватјети* и *цавтјети*[2]).

Можно думать, что еще въ говорахъ общаго югославянскаго языка *ъ* ирраціональное въ разсматриваемомъ положеніи стало неслоговымъ, при чемъ предшествующее *в* получило слоговой характеръ; это *в* должно было заимствовать отъ предшествовавшихъ зубныхъ болѣе пассивное положеніе губъ, т. е. вмѣсто губно-зубнаго произношенія получило чисто губное (билабіальное) произношеніе съ болѣе слабой степенью фрикаціи, чѣмъ и дана была возможность возникновенія слоговаго w̥ въ такомъ положеніи. Группа «w̥ + *ъ* иррац. неслоговое», полученная въ говорахъ общаго югославянскаго языка, вѣроятно еще до распаденія этого языка подверглась перестановкѣ въ группу «*ъ* иррац. неслоговое + w», откуда далѣе — въ однихъ говорахъ

---

1) Сходныя явленія существовали въ югославянскихъ языкахъ въ срединныхъ слогахъ, но по скудости матеріала въ этомъ случаѣ нельзя сдѣлать опредѣленныхъ обобщеній.

2) Болгарское *тъфряз* представляетъ, по указанію русскихъ нарѣчій, нѣсколько отличный случай: основной формой здѣсь было **тврѣзъ** (изъ *tverzъ*, безъ **ъ** между *в* и *р*; но конечные результаты были тѣ-же.

получалось со временемъ *у* (словен., макед.), въ другихъ *ъо* съ дальнѣйшими измѣненіями *ъ* (болг. серб. словен.).

Въ главѣ, озаглавленной «глухіе вмѣсто чистыхъ» (стр. 47—49) авторъ «Обзора» говоритъ о появленіи въ говорахъ болгарскаго языка новыхъ среднеязычныхъ звуковъ изъ неударяемыхъ звуковъ переднеязычнаго и заднеязычнаго ряда. Это явленіе имѣло мѣсто главнымъ образомъ въ восточномъ нарѣчіи болгарскаго языка. Восточноболгарскіе среднеязычные звуки изъ неударяемаго *е* (различнаго происхожденія) и *і* разсмотрѣны г. Лавровымъ чрезвычайно кратко. Въ этомъ случаѣ авторъ «Обзора» не воспользовался всѣмъ матеріаломъ, который имѣлъ предъ собою въ изслѣдованіяхъ болгарскихъ филологовъ и въ изданныхъ болгарскихъ текстахъ. Въ этомъ сказывается отчасти общая система, которой держится г. Лавровъ, исходящій всюду отъ показаній старыхъ памятниковъ и прежде всего заботящійся о самостоятельномъ извлеченіи новыхъ данныхъ изъ первоисточниковъ. Но выигрывая въ самостоятельности, трудъ г. Лаврова, т. о. нерѣдко проигрываетъ въ полнотѣ. Между тѣмъ включеніе всего, что уже было добыто ранѣе другими изслѣдователями, было-бы желательно изъ практическихъ соображеній: это придало-бы, и безъ того весьма цѣнной, книгѣ г. Лаврова характеръ общаго руководства, систематическаго справочнаго труда по болгарскому языку.

По отношенію къ неударяемому *е* восточноболгарскіе говоры распадаются на два разряда: одни обращаютъ его въ *і*, другіе въ *ъ*. Въ говорахъ втораго разряда то-же явленіе, но въ болѣе слабой степени, наблюдается и по отношенію къ неударяемому *і*. Согласная, предшествующая звуку *ъ* такого происхожденія, почти во всѣхъ говорахъ сохранила извѣстную мягкость. Это *ъ* съ предшествующей мягкостью (*ʹъ*) совпало въ восточныхъ говорахъ съ *ʹъ* другаго происхожденія (изъ ѫ, неударяемаго *ʹа*, неударяемаго ѣ) и имѣло съ нимъ одинаковую судьбу: во многихъ говорахъ *ʹъ* перешло въ открытый среднеязычный звукъ, имѣющій склонность къ переднеязычному ряду (Цанк. *è*, Иліевъ

ê, *é*, Безсоновъ *я̆*). Условія, при которыхъ неударяемое *е* замѣняется звуками *'ъ*, *è*, діалектически очень различны. Вѣроятно въ извѣстную эпоху всякое неударяемое *е* получало въ восточныхъ говорахъ втораго разряда склонность къ среднеязычному ряду, но затѣмъ по говорамъ эта склонность удерживалась только при извѣстныхъ условіяхъ, т. е. напр. въ сосѣдствѣ извѣстныхъ звуковъ, въ слогахъ нѣкогда долгихъ (какъ принимаетъ Цоневъ для Ловчанскаго говора) и т. п. Выше я старался показать, что родопскіе говоры должны были получить *'ъ* изъ всякаго первоначально неударяемаго *е*. Это *'ъ* исчезло въ эпоху, когда всѣ звуки среднеязычнаго ряда исчезли въ этихъ говорахъ. Пещерскій говоръ и теперь имѣетъ среднеязычный звукъ изъ всякаго первоначально неударяемаго *е*; чистое *е* внѣ ударенія восходитъ здѣсь всегда къ болѣе древнему ударяемому *е*, такъ напр. повелит. *за́плѐтетѐ (е* изъ *ѣ)* восходитъ къ *заплете́те*, членная форма *о́ржшету* («орѣхъ») восходитъ къ *оржше́ту*, м. т. к. нечленная форма того же слова *о́ржшѐ* указываетъ на *ора́ше* съ неударяемымъ *е*.

Детальное изложеніе всѣхъ этихъ явленій было бы очень желательно въ такой книгѣ, какъ «Обзоръ» г. Лаврова. Можно думать, что исходя въ данномъ вопросѣ не отъ старыхъ памятниковъ, а отъ живыхъ говоровъ, изслѣдователь нашелъ бы способъ открыть звуки *'ъ*, *ѐ* и подъ неопредѣленной графикой среднеболгарской эпохи, быть можетъ уже съ XV вѣка.

Открыть присутствіе звука *'ъ*, *ѐ* въ текстахъ XVIII вѣка не представляетъ большаго труда. Такъ напр. въ Приложеніяхъ къ «Обзору», въ отрывкѣ изъ Тихонравовской рукописи XVIII вѣка, уже упомянутой мною по поводу восточноболгарскаго *о* изъ *ъ*, мы находимъ повидимому и звукъ *ѐ*.

Въ этой рукописи, подъ вліяніемъ русской графики, употребляется ѧ для выраженія открытаго выговора *ѣ*: гулѧ́мъ, завартѧ́ (3 л. ед. аор.), бѧ́гатъ (3 л. мн. наст.), свѧтъ и т. д. Далѣе, подобно тому какъ ѧ употребляется въ этой рукописи для выраженія звука *ъ*, такъ ѧ — для выраженія *'ъ* (различнаго

происхожденія); но при этомъ многочисленные варіанты съ *е* заставляютъ принять, что *ʹѣ* уже измѣнилось въ направленіи къ *è*. Мы находимъ напр. **ванѧ** и **ване**, **моѧ** и **мое рака**, **Ꙋмрелнѧтꙋкъ** и **Ꙋмрелнетꙋкъ**. На одной и той-же страницѣ рукописи (стр. 45) находимъ написанія **ꙁимата**, **ꙁимѧта**, **ꙁимета**, всѣ три формы — въ значеніи «земля» и вѣроятно съ произношеніемъ Цанковскаго *zimèʹ*. Такое же **а**, **ѧ** для выраженія звука *è* изъ неударяемаго *е* находимъ въ словахъ **кечаръ** 38, **раꙁꙋмѧнъ** 41.

Въ главѣ о болгарскомъ ѣ (стр. 62—71) г. Лавровъ излагаетъ судьбу этого звука въ живыхъ говорахъ и приводитъ показанія памятниковъ стараго языка.

О фактахъ, относящихся къ живымъ говорамъ, слѣдуетъ замѣтить, что авторъ черпалъ свой матеріалъ изъ печатныхъ текстовъ, а не изъ живой рѣчи, вслѣдствіе чего нѣкоторыя неточности въ опредѣленіи звуковъ были неизбѣжны.

Открытый выговоръ звука *ѣ* въ восточныхъ и нѣкоторыхъ срединныхъ говорахъ авторъ «Обзора» передаетъ русскимъ написаніемъ *я*. Такая передача, довольно обычная въ болгарскихъ текстахъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ живому выговору. Цанковы, обозначающіе звуки своего говора съ большою точностью, указываютъ для открытаго *ѣ (ê)* выговоръ $\widehat{ea}$, т. е. дифтонгическій. Такой выговоръ даетъ открытому *ѣ* также Цоневъ, замѣчающій при этомъ, что дифтонгу $\widehat{ea}$ предшествуетъ средняя мягкость согласныхъ, какая наблюдается передъ *е*.

Наоборотъ, авторъ «Обзора» ошибочно видитъ дифтонгъ въ написаніи *еа*, употребляемомъ новѣйшими издателями родопскихъ и разложскихъ текстовъ. Здѣсь *еа* обозначаетъ e^a, т. е. открытое *е*. Это ясно изъ родопскихъ текстовъ иной записки, напр. изданныхъ у Иліева. Для разложскаго говора можно сослаться на авторитетъ Вука Караджича: въ «Додаткѣ», на стр. 4 и 49, Вукъ говоритъ о существованіи двухъ *е* въ разложскомъ говорѣ; одно изъ нихъ, *е*, звучитъ, какъ сербское *е*, другое, обозначаемое Вукомъ чрезъ *è*, звучитъ по его словамъ, какъ француз-

ское *ѐ*. Изъ примѣровъ видно, что это *ѐ* = *ѣ*: *човѐк, вѐжди, млѐко, рѐч, вѐтр, снѐг, лѐто* и т. д.

Говоря о «переходѣ» *е* въ *о*, слѣдовало высказать опредѣленнѣе, что *о* въ грамматическихъ окончаніяхъ (**рекъшомоу, прѣбѣгажщои** и т. п.) и въ словосложеніи (**сръдцовѣдець**) не фонетическаго происхожденія: оно вызвано вліяніемъ аналогіи со стороны твердыхъ основъ (**добромоу, доброи** = дат. ед. ж. р. по мѣстоим. склоненію; **боголюбець**). Самъ авторъ обращаетъ вниманіе на то, что въ коренномъ слогѣ такой «переходъ» *е* въ *о* не наблюдается.

Исторія болгарскихъ согласныхъ несравненно проще исторіи болгарскихъ гласныхъ, и изложеніе ея въ книгѣ г. Лаврова представляетъ гораздо менѣе поводовъ для замѣчаній.

На стр. 90 г. Лавровъ говоритъ о переходѣ *в* въ *у*. Точнѣе было бы говорить о переходѣ начальнаго *въ* въ *у*, такъ какъ примѣры ограничиваются предлогами *възъ* и *въ*, въ сложеніи и въ отдѣльномъ употребленіи, и словами **въноукъ, въноука**. Въ различныхъ говорахъ болгарскаго языка появленіе *у* изъ начальнаго *въ* зависитъ повидимому отъ различныхъ условій. Въ грамматикѣ Цанковыхъ предлогъ *въ* имѣетъ напримѣръ въ отдѣльномъ употребленіи всегда форму *у*, но удвоенная форма того-же предлога всегда *въф (vŭf)*, подобно тому, какъ предлогъ *възъ* всегда пишется *vŭz*, *vŭs*. Въ сложеніи *въ* принимаетъ различный видъ; чаще всего является *ф*: *fkaram*, *fkorenêvam sŭ*, *fléjŭ*, *flétè*, *flítam*, *flêžuvam*, *fméstjuvam*, *fméstè*, *fredè'*, *fréždam*, *frekŭ'*, *fríčam*, *fret*, *ftóri*, *fčéra*. Фонетически *ф* должно было возникать только въ положеніи передъ глухими согласными, откуда оно распространялось далѣе аналогіей. Изрѣдка при *f-* у Цанковыхъ появляется и *u-*: *ukáruvam*, *ukorenêvam sŭ* (со ссылкой на *fk-*). Формы *uvedŭ'*, *uvéždam* (hineinführen), при которыхъ не указано варіантовъ съ *f*, и слова *unúk*, *unúka* позволяютъ думать, что въ сложеніи *u* получалось фонетически только передъ извѣстными согласными.

На стр. 93, говоря о болгарскомъ *мл* изъ *мн*, г. Лавровъ указываетъ на существованіе этого явленія въ говорахъ сербскаго языка. Слѣдовало отмѣтить, что этотъ переходъ извѣстенъ діалектически и въ словенскомъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о переходѣ *мн* въ *вн* и *вн* въ *мн*.

Въ главѣ о смягченіи зубныхъ изложеніе г. Лаврова представляетъ нѣкоторые пробѣлы и неточности. Это уже было отмѣчено критикой ранѣе.

Въ главѣ о выпаденіи согласныхъ г. Лавровъ не всегда точно различаетъ старыя явленія этого рода отъ позднѣйшихъ. Такъ напр. глаголы *канѫ, потънѫ, погинѫ*, приводимые авторомъ на стр. 104, утратили конечную согласную корня еще въ общеславянскую эпоху. Формы, какъ погыбнеть, приводимыя г. Лавровымъ, представляютъ позднѣйшія подновленія. Нефонетическій характеръ этого послѣдняго явленія доказываютъ всего лучше такіе случаи, какъ польское *stygnąć*, гдѣ вмѣсто кореннаго *д*, исчезнувшаго фонетически, аналогіей такихъ формъ, какъ *biegać — biegnąć, dźwigać — dźwignąć*, внесена согласная *g*.

Наоборотъ, нефонетическимъ путемъ исчезло *з* въ формахъ глагола лѣзѫ: наст. *изляне, фляне*, повелит, *излени, влявжй*, причаст. *флянжли, излялж, излела, сляли* (Обзоръ, 110). Къ этимъ формамъ должно быть примѣнено то-же объясненіе, которое Миклошичъ даетъ болгарскому *нѣл* при *несъл, разнéло, донеле* и т. п. и сербскому *нијети, ријети*. Эти формы возникли подъ вліяніемъ старыхъ аористовъ безъ соединительной гласной: рѣхъ, *нѣхъ (вм. нѣсъ) и т. д.

Въ главѣ о призвукахъ, развивающихся предъ гласными, г. Лавровъ говоритъ также о зіяніи. По наблюденію изслѣдователя одной семьѣ среднеболгарскихъ рукописей, знающей зіяніе въ широкихъ размѣрахъ, соотвѣтствуетъ группа живыхъ говоровъ съ такою-же фонетической особенностью.

Морфологія (стр. 122—215) составляетъ несомнѣнно лучшую часть «Обзора». Авторъ извлекъ изъ своихъ источниковъ

особенно цѣнный и обильный матеріалъ для исторіи болгарскихъ формъ. Выше, при обсужденіи различныхъ вопросовъ болгарской фонетики, намъ много разъ приходилось уже пользоваться данными, собранными г. Лавровымъ въ отдѣлѣ о морфологіи.

Не подвергая детальному разбору эту часть труда г. Лаврова, представляющую значительно менѣе спорныхъ вопросовъ, чѣмъ фонетика, я остановлюсь на одной главѣ, которая можетъ служить прекраснымъ образцомъ того, какія важныя данныя извлечены изслѣдователемъ изъ старыхъ болгарскихъ памятниковъ. На стр. 185—190 г. Лавровъ говоритъ о постпозитивномъ членѣ болгарскаго языка. Новыя доказательства, собранныя авторомъ въ пользу глубокой древности постпозитивнаго члена, представляютъ чрезвычайный интересъ. Сличеніе нѣкоторыхъ частей Шестоднева Іоанна Экзарха болгарскаго съ ихъ греческимъ оригиналомъ позволило г. Лаврову сдѣлать выводъ, что существованіе болгарскаго постпозитивнаго члена вполнѣ ясно отражается на этомъ памятникѣ «Золотаго вѣка» болгарской литературы. Къ тому же выводу о древности постпозитивнаго члена приводитъ автора и наблюденіе надъ оригинальными произведеніями другаго писателя «Золотаго вѣка», — Климента, епископа Величскаго. Далѣе г. Лавровъ установляетъ присутствіе постпозитивнаго члена въ дипломатическомъ языкѣ древней эпохи, сравнивая сходныя мѣста древнѣйшихъ болгарскихъ и современныхъ имъ сербскихъ грамотъ.

Нѣсколько смѣлой кажется намъ только рѣшительность, съ которой авторъ «Обзора» отрицаетъ возможность иноязычнаго вліянія на образованіе постпозитивнаго члена въ болгарскомъ языкѣ. Указаніе на общеславянскіе *задатки* этого явленія и другія, болѣе или менѣе случайныя, соображенія, приводимыя г. Лавровымъ въ пользу своего взгляда, не устраняютъ того факта, что наиболѣе измѣнившіеся въ своемъ строѣ языки *балканской группы* (румынскій, болгарскій, албанскій) въ числѣ другихъ общихъ особенностей своего новаго строя представляютъ также развитіе постпозитивнаго члена.

Этимъ я заключаю замѣтки о книгѣ г. Лаврова. При своемъ появленіи она обратила на себя вниманіе какъ въ русской, такъ и въ иностранной ученой литературѣ. Ея значеніе достаточно выяснилось: трудъ, произведенный г. Лавровымъ, далъ новую пищу историческому изученію болгарскаго языка и установилъ новыя точки соприкосновенія между болгарскими нарѣчіями, современными и старыми, и языкомъ древнѣйшихъ старославянскихъ памятниковъ. На выясненіе этой научной заслуги «Обзора», выкупающей отсутствіе вполнѣ строгаго сравнительнаго метода въ изслѣдованіи фонетическихъ вопросовъ, были направлены главнымъ образомъ и усилія пишущаго эти строки.

По своему характеру и по своимъ результатамъ трудъ г. Лаврова отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ, какія ставятъ сочиненіямъ этого рода утвержденныя правила о соисканіи премій профессора Котляревскаго.

III.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКА.
Составилъ **А. Дюверкуа.** М. 1894.

Разборъ профессора **А. И. Соболевскаго.**

Мы до сихъ поръ еще не имѣемъ ничего, что можно бы было съ достаточнымъ основаніемъ назвать словаремъ древне-русскаго языка. «Матеріалы» покойнаго И. И. Срезневскаго извлечены изъ памятниковъ XI—XIV вѣковъ, большинство которыхъ—списки съ древнихъ церковно-славянскихъ оригиналовъ; данныя памятниковъ XV—XVII вѣковъ какъ московской Руси, такъ и Руси литовской, многочисленныя и разнообразныя, въ нихъ, за ничтожными исключеніями, не вошли. Другихъ же сборниковъ словарныхъ данныхъ, сборниковъ, о которыхъ стоило бы упомянуть, не существуетъ. Въ виду этого трудъ покойнаго А. Л. Дювернуа, изданный вдовою его Г. А. Дювернуа, не смотря на свой скромный объемъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

Наибольшее количество данныхъ вошло въ «Матеріалы» изъ документовъ московской Руси XV—XVII столѣтій. Составитель воспользовался Актами Юридическими, Сборникомъ Муханова, отчасти Актами Историческими, Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ и матеріалами изъ портфелей Г. Ф. Миллера. Затѣмъ, значительное количество данныхъ взято изъ лѣтописей, главнымъ образомъ изъ Новгородской первой, изъ Псковскихъ, изъ такъ называемаго Лѣтописца Переяславля Суздальскаго, отчасти даже изъ Несторовой, — по Полному собранію русскихъ лѣтописей и по изданіямъ

Погодина и князя Оболенскаго. Затѣмъ, нѣкоторое количество данныхъ доставлено составителю житіями русскихъ святыхъ почти исключительно поздними, по спискамъ Румянцевскаго музея и Синодальной библіотеки. Наконецъ, небольшое количество данныхъ взято изъ разныхъ статей рукописныхъ сборниковъ тѣхъ же книгохранилищъ — изъ повѣсти объ Акирѣ позднѣйшей редакціи, изъ апокрифическихъ сказаній о Соломонѣ, изъ словъ митрополита Даніила и т. п.

Извлеченныя данныя постоянно сопровождаются въ «Матеріалахъ» цитатами изъ текстовъ, въ которыхъ они находятся. Вслѣдствіе этого читатель можетъ пользоваться трудомъ Дювернуа и тамъ, гдѣ онъ не даетъ объясненій данныхъ (что нерѣдко), и тамъ, гдѣ его объясненія болѣе или менѣе неудачны.

Цитаты приводятся съ большою точностью, въ томъ видѣ, какой онѣ имѣютъ въ источникахъ. Составитель удержалъ мѣстныя особенности словъ (и вообще ороографію) въ полной неприкосновенности, такъ что мы находимъ у него слова *дъжгь*, *двѣнадчать*, *дичкой* (= дѣтскій), *дитинечь*, *дъци* (= дъчи), *сестникъ*, *узвозъ*, *узгонъ* и т. п. Это до нѣкоторой степени облегчаетъ пользованіе словаремъ тому читателю, который мало знакомъ съ древне-русскою діалектологіею.

Главный недостатокъ «Матеріаловъ», за который отвѣтственность лежитъ на самомъ составителѣ, заключается въ томъ, что словарныя данныя источниковъ въ нихъ отнюдь не исчерпаны. Составитель, извлекая данныя, одни слова, преимущественно болѣе рѣдкія или по крайней мѣрѣ написанныя необычною орѳографіею, внесъ въ свой трудъ, а другія, менѣе рѣдкія и обычнымъ образомъ написанныя, оставилъ безъ вниманія. Такъ, напримѣръ, онъ взялъ изъ духовной Ивана Калиты рѣдкое слово *сердоничень* и пренебрегъ стоящимъ съ нимъ рядомъ обычнымъ словомъ *поясъ;* или, онъ помѣстилъ написанныя необычною орѳографіею *боранъ, судокъ, ездити* и не далъ мѣста обычно написаннымъ *баранъ, судакъ, ѣздити*. Вслѣдствіе этого «Матеріалы» представляютъ сборникъ по преимуществу рѣдкихъ или не-

обычно написанныхъ словъ, что̀, можетъ быть, увеличиваетъ ихъ цѣну въ практическомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ уменьшаетъ ихъ научное значеніе.

Другой недостатокъ «Матеріаловъ», касающійся впрочемъ очень ограниченнаго числа случаевъ, — излишнее довѣріе составителя къ печатнымъ источникамъ. Онъ оставилъ безъ измѣненія очевидныя погрѣшности послѣднихъ. У него явились слова *Врамковъ* Abrahami и *зеро* lacus вслѣдствіе того, что редакторъ Актовъ Юридическихъ въ текстѣ двинскихъ грамотъ № 15 и № 20, XIV—XV вѣка, напечаталъ *отъ Врамковы* земли, вмѣсто *от Ъврамковы*, и *къ зеру*, вмѣсто *к ъзеру* (ъ вмѣсто *о* въ нѣкоторыхъ двинскихъ грамотахъ не рѣдкость). Такъ же у него оказались слова и выраженія: *вымене* praeter, — *Елферий жидъ слагичь*, — вслѣдствіе того, что редакторъ I-го тома Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ въ текстѣ грамотъ 1305 и 1317 годовъ принялъ *вы* (форму дательнаго падежа) и *мене* (форму родительнаго пад.) за одно слово, а patronymicum *Жидъслалнчь* (съ новгородскимъ *л* вмѣсто *вл*) за два; *ного* (пострѣляти ного въ что, иного въ ногу, иныхъ въ хребетъ), *выдати пошлинѣ и старинѣ*, — вслѣдствіе того, что Погодинъ въ своемъ изданіи Псковской лѣтописи прочелъ *ного*, вмѣсто *кого*, и пропустилъ передъ *пошлинѣ* предлогъ *по*.

Наконецъ, «Матеріалы» представляютъ нѣкоторое неудобство для русскаго читателя. Составитель истолковалъ древнерусскія слова латинскими, иногда классическими, но нерѣдко (и не всегда въ силу необходимости) позднѣйшими, мало понятными даже читателю съ хорошимъ знаніемъ латинскаго языка; причемъ и самъ онъ допустилъ кое-какія неточности (слово *сосна* у него переведено: abies, вмѣсто pinus, слово *ездити* — vehere, вмѣсто vehi и т. п.), и издательница не вездѣ справилась съ его латынью (напримѣръ, слово *стоячий* у него оказалось истолковано чрезъ безсмысленное radices in terra captus)[1].

1) Конечно, это неудобство для русскаго читателя есть удобство для читателя иностранца.

Только что указанное неудобство не есть, къ сожалѣнію, единственное. Другое неудобство произошло отъ того, что составитель «Матеріаловъ» скончался прежде, чѣмъ успѣлъ обработать свой трудъ, и послѣдній увидѣлъ свѣтъ подъ редакціей малоопытной въ словарномъ дѣлѣ издательницы. Оно заключается въ слѣдующемъ. Одно и то же слово, являющееся въ источникахъ съ разною ороографіею, помѣщено составителемъ въ двухъ или болѣе мѣстахъ его труда, безъ указанія, что передъ читателемъ одно и то же слово. Такъ напримѣръ *дождь* находится на страницѣ 42-й; а *дъжгь* — на страницѣ 48-й; *дочи* — на стр. 44-й, а *дъци* — на стр. 48; *держати* — на стр. 39-й, а *дръжати* и *дрьжати* — на стр. 45; и при *дъжгь* нѣтъ ссылки на *дождь* при *дъци* нѣтъ ссылки на *дочи*, при *дръжати* и *дрьжати* нѣтъ ссылокъ на *держати*, и наоборотъ[1]). Или, одно и то же слово, являющееся въ источникахъ съ разною ороографіею, помѣщено лишь въ одномъ мѣстѣ, съ необычной ороографіей. Такъ напримѣръ, въ «Матеріалахъ» имѣется *боранъ*, но нѣтъ *баранъ*, съ ссылкой на *боранъ*; имѣются *ребина*, *резатися*, но нѣтъ *рябина*, *рѣзатися*, съ ссылкою на *ребина*, *резатися*. Вслѣдствіе этого не всякій читатель сумѣетъ найти въ «Матеріалахъ» нужное ему слово . . . .

Само собою разумѣется, составитель, не имѣвшій передъ собою ничего, кромѣ массы сырого матеріала, не избѣгъ мелкихъ погрѣшностей. Онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ группы.

Первая группа — погрѣшности, касающіяся внѣшней стороны словъ. Читатель находитъ въ «Матеріалахъ» слова:

ближикъ малой cognatus remotior, вмѣсто *ближика*;
вымести, вмѣсто *выметати*;
Гриди, вмѣсто *Гридя* (личное имя);
Ждань гора, вмѣсто *Жданя*;
жерло, вмѣсто *жерело*;

---

1) Впрочемъ нѣкоторое количество ссылокъ въ «Матеріалахъ» есть; такъ, при *дитинечь* предлагается сравнить *дѣтинецъ*, при *дичкой* указывается, что обычная форма этого слова — *дѣцкой*, при *боаринъ* есть ссылка на *бояринъ*, и т. п.

заколь, вмѣсто *заколъ;*

зашлый, вмѣсто *заити* (составитель во фразѣ: «которое село зашло бес кунъ», принялъ форму прошедшаго времени *зашло* за прилагательное);

зятя, вмѣсто *зять* (составитель во фразѣ: «внука Ивана Паліолога, а князя великого Василья Дмитреевича зятя, нарицаемая Софія», принялъ *зятя* за форму именит. ед. женскаго рода, съ значеніемъ nurus);

исада, вмѣсто *исадъ;*

ищей, вмѣсто *ищея;*

Лътъ, названіе рѣки, вмѣсто *Лъто;*

одину, вмѣсто *одинъ* (составитель во фразѣ: «посадницявъ семь мѣсяць одину», принялъ форму винит. п. женск. р. за нарѣчіе);

паузка, вмѣсто *паузокъ;*

поклажея, вмѣсто *поклажей, поклажай;*

присночной, вмѣсто *òприсночной;*

притеребь, вмѣсто *притеребъ;*

пчагъ, вмѣсто *чпагъ;*

пятинадцать, вмѣсто *пятьнадцать;*

рядка, вмѣсто *рядокъ;*

селничья, вмѣсто *иселничей, яселничей;*

словутній, вмѣсто *словутный;*

четья, вмѣсто *четь;*

яма, вмѣсто *ямъ* (почтовая станція).

Подобныя погрѣшности сравнительно многочисленны.

Другая группа — погрѣшности относительно значенія словъ. На болѣе крупныхъ изъ нихъ мы нѣсколько остановимся. Слово

артугъ въ «Матеріалахъ» опредѣляется: aliquod panni genus. Но передъ нами названіе скандинавской монеты;

бечата: «безъ цѧта? а voce цѧта, цѧтъ nummus?» — Слово *бечета* или *бечата*, женскаго рода, — названіе драгоцѣннаго камня: «а бечеты за лалъ не купите, а бечета (именит. ед.) знати — къ свѣту въ ней какъ пузырьки (тор-

говая книга XVII вѣка по рукописи Имп. Публичной библіотеки Q. IX. 43);

водоточь: flumen. Это слово значитъ: канава;

вологa: potus. И Домострой, и современные великорусскіе говоры употребляютъ это слово въ значеніи — жиръ, масло;

воспода: pagus. Это слово (которое въ приведенномъ въ «Матеріалахъ» мѣстѣ Псковской лѣтописи, можно читать также *оспода*) — не что иное, какъ собирательное *госпόда*, женскаго р.;

възводье: inundatio. Это слово значитъ: истокъ, начало воды;

вѣжа: nom. pl. castra munita. Это слово значитъ чаще: шатеръ, палатка, кибитка кочевника, рѣже: башня, кухня;

вѣникъ: foeni mensura. Въ приведенномъ въ «Матеріалахъ» мѣстѣ Псковской лѣтописи: «а сѣно дорого велми, а вѣникъ по мордкѣ бяше», *вѣникъ,* вѣроятно, значитъ то же, что и теперь;

голова: caput humanum. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ договора съ греками *голова* значитъ: мертвое тѣло, убитый;

грѣшити: perdere. Во фразѣ: «надежа не грѣшиши», *грѣшити* значитъ: обмануться, ошибиться (сравни въ Несторовой лѣтописи: грѣшися ока = промахнулся, не попалъ въ глазъ и т. п.);

душка: pelliculo subsuta. Во фразѣ: «шапку, а подъ нею душки лисьи», *душка* значитъ: мѣхъ съ груди звѣря;

емчужное дѣло: margaritarum politio, confectio? Слово *емчуга* значитъ: селитра;

жаловати: agere lege cum aliquo. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ договора съ греками это слово значитъ: жаловаться;

знатба: signum originis. Во фразѣ: «городнѣ без знатбѣ занесе», *знатьба* значитъ: вѣсть;

въ то *мѣсто:* simul. Это выраженіе значитъ: вмѣсто того, взамѣнъ;

одинець: lapis pretiosus. Въ цитатахъ составителя: «одинцы жемчюжные, серги серебряны одинци, серги двоичны да одинци красное каменье», *одинець* значитъ: серьга безъ привѣсокъ, въ отличіе отъ серьги двоичной, или двусоставной;

оже: si quod. Во фразѣ: «князь възрѣлъ въ грамоту, оже въ грамотѣ пишетъ такъ»; *оже* значитъ: вотъ же, а вотъ;

понятися за поле: litem intendere, inferre. Это выраженіе значитъ: согласиться на поединокъ;

приставъ: obses? Во фразѣ: «держа за приставы», это слово значитъ: приставникъ, приставленный для стражи чиновникъ;

просити поля: judicium petere. Это выраженіе значитъ: просить поединка;

проща: peccatorum absolutio, remissio. Это слово обыкновенно значитъ: чудесное исцѣленіе (сравни *прощати* = исцѣлять, *прощеникъ* = исцѣленный);

путикъ: semita. Это слово означаетъ особаго рода загородку въ лѣсу, оканчивающуюся прикрытыми ямами, которая устраивается для ловли звѣрей;

путь: tributum viaticum, quod nobilibus viatores atque venatores exsolvunt. Въ приведенномъ составителемъ мѣстѣ духовной 1389 года, *путь* значитъ: отдѣлъ, часть;

роскатъ: oppugnatio. Въ приведенныхъ составителемъ фразахъ это слово означаетъ часть городской стѣны, приспособленную для постановки пушекъ;

росоль: aqua medicata, salubris. Это слово значитъ то же, что *росолъ*, то есть соленую воду, годную для выварки соли;

рубсти: bellum gerere. Во фразѣ: «рубоша новгородьць за моремъ», этотъ глаголъ значитъ: заключить въ порубъ, въ темницу;

рудометъ: fossor. Это слово значитъ: цирюльникъ, бросающій кровь;

ручати: manu signare. Во фразѣ: «Игнашка ручалъ, руку приложилъ», это слово значитъ: ручаться, быть поручителемъ.

рѣли, pl. t.: tempus arandi. Слово *рѣль* = поемный лугъ;

ушь: n. pr. Въ указанномъ составителемъ мѣстѣ Новгородской лѣтописи: «мъхъ ядяху, ушь, сосну (во время голода)», *ушь* не можетъ быть собственнымъ именемъ. Изъ житія св. Никандра Псковскаго, XVII вѣка, видно, что это слово — названіе какой-то травы, «былія», употреблявшейся какъ хлѣбный суррогатъ;

ѣзъ: agger. Это слово значитъ: заколъ въ рѣкѣ для ловли рыбы.

Мелкія погрѣшности въ опредѣленіи значенія словъ въ «Матеріалахъ» не рѣдки.

Готфридъ Германнъ когда-то сказалъ: «Duae res longe sunt difficillimae — lexicon scribere et grammaticam». И дѣйствительно, трудъ составленія словаря — трудъ столь тяжелый и малоблагодарный, что необходимо самое снисходительное отношеніе къ его недостаткамъ и погрѣшностямъ. Въ виду этого я считаю себя въ правѣ высказаться за присужденіе издательницѣ «Матеріаловъ» полной преміи профессора Котляревскаго.

Отдѣленіе въ знакъ признательности постановило выдать рецензентамъ: члену-корреспонденту Императорской Академіи Наукъ, профессору А. И. Соболевскому и помощнику хранителя Императорскаго Россійскаго Историческаго музея въ Москвѣ В. Н. Щепкину установленныя золотыя медали.